

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки
В западне

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки. В западне

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки. В западне / Г. Ю. Орловский — «Эксмо»,
2018 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-04-092771-5

Хорошие люди слабее плохих, потому правитель не может быть плохим или хорошим, он должен быть таким, каким требует быть обстановка. Но как остаться победителем в исполинской империи, что богаче и развитее завоевателей и где правят Великие Маги? Женщины Ричарда предлагают свои варианты...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092771-5

© Орловский Г. Ю., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	43
Глава 10	47
Глава 11	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные Руки
В западне

Серия «Баллады о Ричарде Длинные Руки» основана в 2004 году

© Орловский Г. Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Часть первая

Глава 1

Сэр Робер, преодолевая брезгливость христианского рыцаря, поддержал за локоть измученного мага, но тут же отодвинулся, передав его Максусу. Тот настолько поглощен своей армией, что может забыть перекреститься перед обедом, такому все равно, кому помочь устоять на ногах, лишь бы воевал на нашей стороне.

– Маркус, – сказал я, – пандус!

В сияющем голубизной небе возник багровый диск, мгновенно разросся во все стороны. На землю пал зловещий отсвет от нависшего плоского днища, лица воинов показались окровавленными.

Из обшивки быстро и бесшумно выдвинулся широкий трап, лишь секунду спустя возникло расширяющееся, наподобие диафрагмы, отверстие.

Кони всхрапнули и отступили, а толстый зловеще-красный край широкого трапа ударился в землю у их копыт. Бобик запрыгнул на пандус первым, опережая арбогастра, а я повернулся в седле к боевым соратникам. На их суровых лицах сильнейшая тревога, я напомнил себе, что это моя тревога отражается на их лицах, мне пора научиться держаться сурово и непреклонно.

– Продолжайте, – велел я. – Ничто нас не! И никто. Мы должны, несмотря и невзирая!.. Нас ведет сам Господь, потому сим победиши. Мы как лягушки, прыгнувшие в колодезь, воды много, но обратной дороги нет... Карл, у вас на обратный перелет сил не очень, потому дуйте в... корабль. Да, Маркус как бы корабль, хоть не плавает и даже не ходит. А вы тут продолжайте и ждите, но все равно работайте.

Макс, выказывая уважение к старшим, пусть этот старший всего лишь презренный маг, а он – герцог Максимилиан фон Брандесгерт, помог Карлу-Антону подняться по трапу. Входить в Багровую Звезду Зла не стал, бодро сбежал по трапу, а там с ходу прыгнул в седло своего такого же бодрого и поджарого, как он сам, коня.

Я вскинул руку в прощании. Арбогастр простучал копытами по красному настилу навстречу пугающе багрово-красному отверстию в обшивке, с неровными и почти зазубренными краями.

Едва мы оказались в Багровой Звезде, за нашими спинами потемнел и пропал солнечный свет. Я оглянулся, в обшивке уже ни следа только что исчезнувшей двери, ровная красная поверхность то ли металла, то ли перестроенного камня.

Карл-Антон в полном бессилии опустил на пол и бесстрашно привалился спиной к багровой стене. Даже не среагировал, что в ней медленно прокатываются пологие волны, возникают утолщения и впадины, иногда нечто булькает и даже поскрипывает, даже не повел глазом.

Бобик потыкал его носом, дыхание чародея все еще с хрипами, лицо предельно усталое, вид измученный, я с сочувствием вспомнил, что старикам на отдых времени нужно побольше, чем нам.

Арбогастр некоторое время стоял, задумчиво рассматривая гостя, потом тряхнул гривой, оглянулся на Бобика, тот все еще пытается растормошить чародея, тот не реагирует, и могучий жеребец медленно пошел в глубь тоннеля, которого еще утром не было.

Чародей попытался улыбнуться, но получилась гримаса.

– Что-то болит? – спросил я участливо.

– Нет, – ответил он сипло, – переоценил силы... Магия с возрастом все точнее, но слабеет...

– Сейчас будем на месте, – заверил я. – Зейс и остальные помогут? Или как-то я?.. Кстати, у меня новые амулеты. Может, какие-то пригодятся?

– Император двинулся к столице, – напомнил он настойчиво. – Надо успеть...

– Уже, – ответил я. – Маркус!.. Давай к месту, с которого сюда...

Ничто не изменилось, я закрыл глаза и как можно тщательнее вызвал в памяти место в полумиле от ворот столицы королевства Монтегю и самой империи, Солнечного Города. Там мы загружали армию для броска в империю Клонзейд, оттуда неподвижный Маркус пугал своим видом как жителей всего города, так и великого комплекса зданий дворца Генриха Третьего.

Как только картинка в моем мозгу стала предельно четкой, я успел какими-то фибрами уловить, что огромная масса Маркуса за долю секунды сместилась в пространстве на тысячи миль.

Карл-Антон спросил шепотом:

– Что-то... произошло?

– Ощутили? – ответил я. – Поздравляю. У меня шкура толще... Ага, вон скачут... Быстро же!

Маркус завис на высоте где-то в четверть мили. Сквозь широкое панорамное окно отчетливо видна роскошная столица Жемчужной империи. Широкая и хорошо утоптанная дорога к ней с высоты смотрится как посыпанная мелом, а по ней в сторону столичных врат скачут блистающие сталью всадники.

С нашей высоты отряд выглядит широким потоком сверкающей на солнце ртути. Подумал, что впервые вижу местных с головы до ног в доспехах. Мелькнула ревнивая мысль, что оружейники здесь квалифицированнее наших северных.

Вслед за всадниками с большим отрывом тяжело катят несколько роскошных карет, обремененных тяжестью блистающих на солнце огромных гербов из золота, массивных украшений, где даже спицы сверкают серебром и золотом.

Карл-Антон сказал хрипло:

– На моих глазах первый и второй заслоны людей Норберта просто смели!.. Сэр Ричард, я не видел, чтобы хоть один из стражей императора упал с коня! А схватка была жестокой!..

– Маркус, – сказал я в сильнейшем волнении, – участок дороги... сразу за воротами... точно так же, как последнюю башню Магов... хоть там и не башня, но все равно...

Я чувствовал, как трепещет мое сердце, во рту стало сухо, а Карл-Антон проговорил с трудом:

– У них защита, сэр Ричард. Что-то очень мощное! Я попытался пробить, но выдохся... едва осталось на скачок к вам.

Укрытые кольчугами кони скачут со страстью и с яростным напором, странное ощущение, словно в седлах один человек в двух сотнях тел.

Маркус что-то медлит, я сказал громко:

– Как уничтожал Башни... точно так же, точно так!.. прямо по дороге, размер тот же... будто там башня, а ее нужно уничтожить... На ту же глубину...

Передние всадники в виду ворот города начали замедлять бешеный галоп, а сторожевые гвардейцы, как только увидели конницу императора, поспешно распахнули обе створки.

На дороге блеснула яркая вспышка, словно сотни яростных молний, на мгновение затмив солнечный свет, ударили из каменных плит вверх в небо.

Разом взлетела пыль, что моментально укрыла почти весь отряд плотным облаком.

Последние ряды всадников торопливо натянули поводья, поднимая коней на дыбы и заставляя пятиться от расширяющегося облака пыли.

Карл-Антон проговорил измученно:

– Задержит?

– Боюсь, – пробормотал я, – еще как задержит. Как в стену лбом...

Пыль начала опускаться, снизу прорезались острые клинки оранжевого огня. Неожиданно тут же взметнулись клубы черно-сизого дыма. Я невольно задержал дыхание.

Медленно открылся чудовищный провал с черными обугленными краями. Карл-Антон охнул при виде все еще кипящей лавы, быстро остывающей, почти белая, затем желтая, красная, багровая, покрывается коричневой коркой, в трещины светит оранжевым, словно коркой накрыто жидкое солнце.

Трое всадников сумели удержать коней на краю пропасти. Даже не пятились, а резко повернулись и понеслись обратно в сторону замерших на месте карет.

– Это же, – проговорил Карл-Антон, – чудовищно... какая мощь...

– Не ковыряйтесь в ране, – проговорил я с трудом. – Да это чрезмерное проявление силы... но в цейтноте раздумывать некогда, а когда утопаешь, то и за змею схватишься...

Он оторвал зачарованный взгляд от страшного зрелища, повернул голову в мою сторону.

– Чрезмерное проявление силы?.. Ваше величество, что за дурь?.. Сила никогда не бывает чрезмерной. Хорошо, успели, а если бы нет?.. Еще минута, войска императора вошли бы в город!

– Да, – ответил я, сам ощутил, что хватаюсь за соломинку, – пришлось бы сдаваться либо сжигать город... Хотя что я несусь?.. Ладно, подождем, ход за ними.

Он медленно и с осторожностью посмотрел по сторонам.

– Похоже, с Маркусом язык находите все лучше?.. Раньше здесь было настолько чудовищно, даже ваши закаленные воины бледнели...

– Да, – ответил я, – понемногу притираемся друг к другу. Пока император раздумывает над ответным ходом, давайте отдохнем и перекусим. Прямо здесь и перекусим.

Он внимательно смотрел, как прямо из воздуха возникли две фарфоровые тарелочки, влажно шлепнулись по ломтю жареного мяса. Из стены рядом неожиданно начал выдвигаться красный бугристый выступ.

Я кое-как примостил на нем свою тарелочку. Выступ медленно расширился, бугорки разошлись по поверхности, Карл-Антон с осторожностью поставил и свою тарелку.

– Не ожидал, – сказал он пораженно.

– Я тоже, – признался я. – Конечно, очень желал нечто подобное, но чтоб такой отчетливый отклик... гм...

– Будьте осторожны, – проговорил он. – Не зарывайтесь.

– Я не только осторожный, – признался я, – я даже трусоватый. Друзьям такое не брякну, но вы не рыцарь, к тому же человек пожилой, поймете... Я семь раз отмеряю, прежде чем сделать шаг, да и тогда в такое влипаю...

Когда я создал две чашки с кофе, выдвижной столик стал чуть шире. Карл-Антон покачал головой, глаза расширились в изумлении.

– Он начинает чувствовать вас.

– Надеюсь, – ответил я. – Возьмите эти пирожные. Это не магия, но все-таки чудо кулинарии.

Он взял чашку и заварное пирожное, посматривал со странным интересом.

– А почему бы вам не совершенствоваться?

– В магии? – уточнил я. – Это тупик. Хотя и даст временный успех. Нет, дорогой алхимик, сейчас именно вы на верном пути. Алхимия – это уже наука. В коконе. Но уже.

Он медленно смаковал, я видел, как силы вливаются в его измученное тело, глаза начинают блестеть ярче, а согбенная спина начинает распрямляться.

– Там переговоры, – напомнил он. – Смотрите, возле карет оживились...

Я скосил взгляд в окно, по обе стороны от карет сгрудился отряд конницы уже без доспехов, кони рослые, отборные, под яркими попонами, с украшенной драгоценными камнями сбруей, а всадники в достаточно богатой одежде, что, впрочем, не мешает им быть, например, дворцовыми слугами.

Из далекого темного зева выкатили, а сейчас торопливо останавливаются, три роскошнейшие кареты: одна сверкает золотом, даже ободы колес блестят, вторая полегче, да и кони не такие могучие звери, идут свободнее, помахивают гривами. Третья вся в торжественно-черном, только по краям стильно отделана серебром и золотом.

Карл-Антон пробормотал:

– Император рассчитывал не просто пережить катаклизм, а выйти в дикий мир в полной силе. Видите, с ним отборная гвардия. Лучшие из лучших.

– Человек всегда надеется, – обронил я. – Но императору в самом деле повезло. Никого даже не задавило.

Он спросил осторожно:

– Выйдете встречать?

– Пожужу, – ответил я. – Кто знает, что у таких красивых в рукаве. Шарахнут, не глядя... никакой Маркус не защитит! Пусть свыкнутся с мыслью, что я в состоянии всю их империю превратить в пыль и дым.

Он зябко повел плечами.

– Даже я не могу свыкнуться.

К каретам помчались трое уцелевших всадников. Один даже голову засунул в окошко, двое слушают рядом, жестикулируют, сообщают о случившемся оставшимся в остальных каретах.

Карл-Антон понаблюдал, я видел, как после бифштекса, пирожных и большой чашки крепкого кофе лицо слегка порозовело, а в покрасневших глазах появился здоровый блеск.

– Пусть поговорят, – сказал он, – это хорошо. После того как тот рабочий добрался до них и сообщил, как мог, что стряслось, там совещались долго. Думаю, были разные варианты, насчет как выйти и как себя вести.

– Похоже, – заметил я, – решение приняли неверное.

– Теперь и сами наверняка поняли, – сказал он.

– Дадим время пересмотреть, – согласился я. – Корректировать на ходу не умеют, имперская машина слишком уж громоздкое дело, но, думаю, сейчас что-то изменится.

– Уже видят, – сказал он, – что уничтожить можете всех, но не делаете этого. С учетом этого и решат... Видите, как все поглядывают наверх? Багровая Звезда еще то зрелище...

– Уже предупреждены рабочими, – напомнил я. – Иначе бы разбежались... Подождем, время с нами.

Далеко за спиной раздался легкий хруст, Карл-Антон в испуге дернулся, развернулся с резвостью подростка. В прямом тоннеле, что все больше начинает походить на коридор, арбогастр с азартом сгрызает выпуклости из стены.

– Что это... он?

Я отмахнулся.

– Похоже, Маркус начинает подкармливать мою лошадку. Ощутил, что тот любит, вот и подсовывает... Хорошо еще, Бобика не балует.

Он снова повернулся к окну, на этот раз даже безбоязненно уперся в красную бугристую стену, а я подумал, что отваги старику не занимать. Или это не отвага, а ясное понимание, что Багровая Звезда не навредит.

– Зашевелились, – предупредил он.

Внизу от группы вышедших из карет отделился один, очень яркий и в дорогой шляпе с роскошным белым пушистым опереньем, остальное сверху не рассмотреть.

Он жестом согнал одного из всадников на землю, поднялся в седло. Ему передали большой флаг с кистями и золотым шитьем, он тут же направил коня шагом по дороге в сторону провала.

– Маркус, – сказал я, – давай ниже... Еще, еще... Теперь зависни. В смысле, просто остановись в данной точке пространства...

За всадником попробовали увязаться еще двое, но он властным жестом остановил их, а когда огромная багровая масса сверкающего металла опустилась почти к самой земле, эти двое сами заставили коней попятиться.

Всадник вскинул руку и что-то прокричал, судя по его виду, повелительное и не терпящее отказа. Двое развернули коней и помчались обратно к каретам.

Глава 2

Днище Маркуса нависло над землей на высоте ярдов десять, не больше, страшное ощущение для тех, кто внизу, все чувства кричат, что эта гора вот-вот обрушится, не может вот так висеть и не упасть с грохотом...

Я сосредоточился и, мысленно наметив небольшую щель в обшивке на краю с днищем, начал ее медленно раздвигать с таким усилием, словно раздираю обшивку руками.

Сердце колотится, не часто удается вот так мысленным усилием передать с первой попытки, что нужно Маркусу сделать, помимо простых «вверх-вниз».

В проеме я появился, держась за край, не столько из страха выпасть с высоты, хотя и такое опасение есть, больше на случай, если со стороны людей императора что-то задумано.

Всадник сразу же помахал флагом и прокричал:

– Переговоры!.. Переговоры!..

Я ответил сурово:

– Мальчик, ты не император.

Он прокричал:

– Его императорское величество Герман Третий, властелин восемнадцати королевств...

Я прервал:

– Я уже понял, о ком речь. Что там дальше?

Он запнулся, явно в самом деле намеревался проговорить весь титул, а в него обычно включаются все владения, но, молодец, сориентировался и договорил:

– ...приглашает вас, кем бы вы ни были, на переговоры!

– Принимаю, – ответил я и добавил громко: – Только сперва отдам приказ сжечь здесь все, если вдруг мне прищемят хотя бы пальчик. Багровая Звезда испепелит на сотню миль как во все стороны, так и вглубь. Отдам это распоряжение и сразу выйду!

Всадник крикнул торопливо:

– Я все передам!.. Что сказать?

– Извольте выслушать вашего императора, – сказал я холодно. – Так и передай.

Он поспешно развернул храпящего в ужасе коня, за моей спиной Карл-Антон сказал нетвердым голосом:

– Держитесь, ваше величество. Вам разговаривать с императором... урожденным.

Я переспросил:

– И что?

Он ответил после паузы:

– Герман Третий родился наследником престола, ваше величество. И воспитывался как будущий император. Значит, на многое будет смотреть иначе, чем смотрят даже родившиеся очень богатыми и знатными.

Всадник на бешеной скорости унесся к группе с каретами, хорошо видно, как прокричал что-то в раскрытое окошко. Отворилась дверца, в глубине салона мелькнула рука в пене белоснежных манжет.

Мы ждали, а всадник покинул седло и, отдав солдатам флаг, торопливо поднялся в карету.

Карл-Антон прошептал из темного угла:

– Так и держитесь, ваше величество. Там могли готовить какой-то вариант захвата.

– Да и сейчас готовы, – ответил я тревожно, – но теперь будут осторожнее.

Он вздохнул.

– Безмерная власть порождает уверенность во всех своих действиях.

– Надеюсь, – ответил я так же шепотом, – сейчас начинают понимать, что их власть не такая уж и безмерная.

– Хорошо бы, – сказал он. – Еще чуть задержитесь, пусть прочувствуют возможность разрушения их империи. Очень близкую возможность! Но что-то мне очень не понравилось это вот «кем бы вы ни были»...

– А что так?

– Император знает, кто вы!

Я пожал плечами.

– Может, это сам всадник брякнул.

– На таком уровне не брякают, – предостерег он. – Будьте настороже и не допускайте промахов. Переговоры... бывают опаснее войны.

– Я вообще осторожный, – напомнил я. – Если что не так, лучше отступлю.

– Мудро, ваше величество. Не стыдитесь отступать. Отступить сейчас – победишь позже. Отступление у сильных ведет к победам.

– Так то у сильных, – пробормотал я.

Он посмотрел, вытягивая шею, на дорогу. Всадник уже домчался обратно к каретам, переговорил, и через некоторое время задняя карета, карета торжественно-черного цвета, сдвинулась с места и, объехав две золотые, выехала вперед.

Я ждал с сильно стучащим сердцем, Карл-Антон сказал рядом торопливо:

– Это не император! За ним штандарт императорского дома, но не личный...

– Сейчас узнаем, – ответил я.

Сверху хорошо видно, как возница в парике и в богатой одежде, так бы и принял его за могущественного герцога, с трудом заставляя коней приближаться под нависающую громаду Маркуса.

Когда вся четверка совсем уж уперлась и, фыркая, отказалась двигаться дальше, он натянул поводья и крикнул.

С запяток соскочили двое слуг, тоже в завитых париках, один отворил дверцу, другой поставил перед ней на землю оббитую парчой скамеечку.

В темном проеме появилась громадная голова в серебристо-сером парике из седых волос с крупными локонами, сам парик спускается всего лишь до плеч, однако переговорщик вышел на свет не такой уж и громадный, хотя и грузный.

Камзол из парчи до колен, вроде бы желтого цвета, но разобрать трудно из-за лент, бантов, плетеных шнуров разного размера и цвета, а пышные манжеты начинаются от локтей. Все же я уловил в его одежде неуловимую строгость, которая все-таки отличает государственного служащего высокого ранга от беспечного прожигателя жизни.

Опираясь на головы склонившихся лакеев, он выставив перед собой роскошно оформленную трость, грузно спустился на скамеечку, а оттуда сошел на землю, где величественным жестом велел всем оставаться на местах.

Трость, как я понял с настороженностью, не палочка для помощи в ходьбе, а что-то иное, то ли оружие, то ли символ власти, а то и нечто магическое, хотя магии все еще не ощущаю.

Его державное лицо и весь облик настолько ясно и отчетливо говорят о власти и могуществе, что я непроизвольно двинулся по трапу навстречу, но спохватился и заставил себя остановиться на некоторой высоте.

Он медленно шествует к Маркусу с непокрытой головой, хотя при таком парике какая шляпа, но как бы сорвал ее церемонным жестом и, низко склонившись, помахал ею над носком блестящей туфли, даже сделал пару тяжелых подскоков и замер в позе вежливого ожидания.

Я ответил с высоты пандуса:

– Ну-ну, дальше. Только покороче.

Не смущаясь и не выказывая никаких чувств, он сказал предельно почтительным голосом:

– Айфорс Молер, лорд-канцлер, к вашим услугам. Доверенное лицо его величества императора Германа Третьего, облеченное правом вести с вами переговоры.

– Переговоры? – повторил я.

– Предварительные, – сказал он быстро. – До встречи с самим императором нужно уточнить сам церемониал такой судьбоносной встречи... Герман Третий все-таки могущественный властелин древнейшей империи...

Он умолк, глядя на меня пытливо. Я поинтересовался невинно:

– А что вас беспокоит?.. Моя мощь? Господин канцлер, любое нарушение протокола можно списать на разницу между этикетом вашего двора и обычаями Севера...

Он перевел дыхание, ожидал худшего, но тут же нахмурился и покачал головой.

– Это не просто этикет нашего двора, есть правила всех императорских домов...

– Нет правил без исключений, – заметил я. – Правила и законы на всем Юге примерно одинаковые, но мы не Юг. Впрочем, о чем спорим?.. Давайте конкретно ваши условия. Хотя это не условия, а ваши предпочтения. А я посмотрю, что можем принять, а что для нас будет выглядеть... неприемлемым.

Он поклонился и сказал с прежней осторожностью:

– За вашей встречей будут наблюдать сотни глаз...

– Ого, – сказал я, – что это у вас за? Даже в режиме демократии такие встречи идут за плотно закрытыми дверями.

Он сказал поспешно:

– Я имел в виду именно церемониальную встречу. А переговоры, конечно, наедине.

– А-а, – сказал я, – сам церемониал... Оркестр, почетный караул и прочее не обещаю. У нас не запланированные переговоры, а спешная встреча на поле боя, где вот-вот может случиться нечто... неприятное с уничтожением Жемчужной империи, так она называлась до этого важного момента?

Он вздрогнул, щеки покрылись смертельной бледностью и стали совсем дряблыми, а в голосе прорезалась просящая нотка:

– Да, ваша Звездная Мощь, именно ваша встреча пройдет на глазах свиты императора, а переговоры, естественно, наедине. Потому малейшее ущемление высокого достоинства императора будет замечено...

– Не сомневаюсь, – прервал я. – Народец везде одинаков и позлословить любит. Детали?

Он проговорил, запинаясь на каждом слове:

– Самый идеальный вариант, ваше Звездное величество... если бы все увидели... что император встречается с принцем императорской мантии... Понимаю, это невозможно...

Я вскинул ладонь, останавливая его:

– Стоп-стоп!.. Париж стоит бедни, а гору легко приблизить к Мухаммаду, если пойти к ней самому... Какой церемониал встречи императора с принцем этой, как ее, мантии?

Он взглянул удивленно и радостно, к щекам вернулась кровь, а в глазах появился живой блеск.

– Вы серьезно?.. Тогда все решаемо. Сам разговор, повторяю, наедине, а для придворных зримый издали церемониал, после которого вы с императором уединитесь... например, в этой карете или карете его императорского величества.

Я кивнул.

– Приемлемо.

Его лицо озарилось, хотя старается выглядеть все так же почтительно невозмутимым.

– Ваше величество?

Я сделал нетерпеливый жест пальцами правой длани.

– Мое северное императорское величество выше любых правил. И когда иду навстречу вашим пожеланиям, это не значит, что в чем-то уступаю. Просто мне насрать, простите за мой изысканный слог северного варвара, насрать на бытовые мелочи. И если с моей стороны будут нарушения церемониала...

Я сделал нарочитую паузу, он сказал с поспешностью дипломата, увидевшего возможность заключить договор на выгодных условиях:

– То это особенности северных обычаев! Все понятно, ваше величество. Разрешите так и передать?..

– Да, конечно.

Он сказал со вздохом облегчения:

– Теперь о важных церемониальных мелочах. Его величество император Герман подъедет в своей карете с гербом своего дома...

– Возражений нет, – ответил я.

– Он выйдет и остановится в двух шагах...

– Нет возражений, – повторил я нетерпеливо. – Что, нельзя это опустить?

Он со вздохом развел руками, на лице проступили сожаление и даже скорбь.

– Все уже знают, что вы... гм... принц императорской мантии. Я не пытаюсь вас оскорбить, ваше Звездное величество, однако это говорит о том, что вам знакомы некоторые мелочи нашего придворного этикета...

– Некоторые, – отрезал я, – но не все. Давайте так, те ваши правила, которых не соизволю придерживаться, списываем на незнание формальностей. Ну дикарь я, дикарь. Так и объявите всем. Зато с огромной звездной дубиной. Дикари очень любят дубины, символ силы, и обожают пускать их в дело, стоит им только дать шанс.

Он взглянул с опаской, словно уже чем-то тяжелым и опасным помахивая над его головой.

– Да, ваше Звездная Мощь, это... вариант. Я все передам его величеству императору. Дословно.

– И пусть не медлит, – сказал я с угрозой в голосе. – Придворные могут расценивать нашу встречу как угодно. Вплоть до того, что вассал явился на поклон к сюзерену, но император знает, как оно на самом деле.

Он сделал поклонно-танцевальное движение, одновременно изображая лицом, глазами и фигурой полнейшее понимание ситуации.

– Да, ваше Небесная Мощь, конечно. Простому народу не обязательно знать тайны дипломатии и способы управления империей.

Я сказал, изображая нетерпение высшего существа, вынужденного общаться всего лишь с императорами:

– Тогда все?.. Жду Германа Третьего!

– Спасибо, ваше величество, – ответил он, – откланиваюсь...

Судя по его лицу, он едва верил в такой быстрый конец предварительных переговоров по подготовке императорских переговоров. В этом мире обычные церемониалы без крупных военных конфликтов раздуваются до невероятных размеров.

Я сказал небрежным тоном:

– Кстати, если кто из ваших задумает какую-то хитрость, что и не хитрость, а как бы государственная необходимость, советую ему самым срочным образом покинуть империю. Хоть и не успеет, но пусть попытается, так смешнее.

Он взглянул в изумлении.

– Почему?

Я ответил с приятной улыбкой:

– В небе останется висеть Багровая Звезда Смерти. Я велел, если со мной что-то случится, сразу же уничтожить Солнечный Город, королевство Монтегю и вообще всю Жемчужную Империю. На это потребуется не больше часа, за это время далеко не убежать. Кстати, свои войска я уже переброшил в империю Клонзейд, они уцелеют.

Он побелел, отшатнулся.

– Ваша Звездная Мощь!.. Да как такое можно подумать! Да ни за что!

– Можно, – заверил я тем же тоном. – Можно даже осуществить... Если даже я, наивный и простодушный варвар с Севера, подумал, то, что говорить о вас, дорогие мои интриганы...

– Ваше величество, мы примем все меры, чтобы не вызвать вашего недовольствия!

– Я не капризный, – сообщил я. – Но чуткий и подозрительный.

Он поклонился.

– Ваше величество...

Глава 3

Я сделал небрежное движение кончиками пальцев, он тут же отступил, помахал в обратном порядке несуществующей шляпой над выставленной ногой, отступил еще раз, снова взмахнул так, что я почти увидел, как пышные перья обметают несуществующую пыль с блестящего кончика туфли.

Смотреть вслед я не стал, недостойно деятеля такого крупного масштаба, каким я должен выглядеть, отступил по пандусу и стал ждать, как пойдет дальше.

Сердце стучит часто, с императорами разговаривать еще не доводилось, а мой опыт не годится, я все еще больше полевой вождь, чем император.

Тяжелые першероны помчали карету лорд-канцлера так, что возница уперся ногами в передок, унимая прыть. На большой скорости ворвались в середину тесного отряда, там коней перехватили, Айфорс Молер, лорд-канцлер и доверенное лицо, торопливо покинул карету и бросился к той, что с императорским гербом.

Я терпеливо ждал, пока он доложит и выскажет свои мудрые советы, как говорить и вести себя с этим варваром. Наконец могучие кони императорской кареты наклонились вперед, упираясь всеми четырьмя в землю, и тяжело потащили это покрытое золотом сооружение, да еще и с крупными накладными гербами из золота.

Приблизившись к тому месту, где карету покидал лорд-канцлер, кони с храпом облегчения остановились, а лакеи, соскочив с запяток, поставили на землю оббитую красным бархатом скамеечку.

Из темного входа показалась массивная голова в огромных серых локонах, а когда обладатель парика выпрямился, стало видно, что свисающие уши достигают пояса, а на спине наверняка до поясницы.

За моей спиной Карл-Антон прошептал:

– Да, по всем признакам это и есть сам император... Ваше величество, не забывайте, вы тоже император!

– Ох, – сказал я, – буду стараться.

Хозяин кареты постоял на ступеньке несколько мгновений, затем достаточно легко спустился на землю, блистающий и яркий, весь в золоте камзола из оранжевой парчи и в широких лентах золотого шитья, красных и ярко-синих, совсем не старый мужчина, крупный и величавый, даже на таком расстоянии на меня повеяло имперской властью.

Сойдя на землю, прямой и с высоко поднятой головой, направился в сторону трапа. Ни тени страха или замешательства на его лице, надменном и полном вельможного высокомерия, на трость не опирается, а демонстрирует ее красоту, а также величавость императорской осанки.

Признаков немощи не видно, во всяком случае с трапа Маркуса. При всей крупности фигуры лицо достаточно сухощавое, выступающие скулы, прямой нос, подбородок слегка выдвинут, под носом тонкая полоска усов с загнутыми вверх кончиками, что придают молодечий вид. Лицо и общий облик создают впечатление предельной державности, перед которой державность его лорд-канцлера смотрится провинциальной.

Правда, под глазами по два яруса мешков в мелкую сеточку, но в остальном лицо почти моложаво и в самом деле исполнено силы.

Он всматривался в мое лицо так же внимательно, я старался держаться с должной невозмутимостью. Шаги его все замедлялись, наконец он остановился и вперил в меня требовательный взгляд.

Я спустился по трапу, он у меня настоящий императорский, даже в красном бархате, а внизу произнес без поклона:

– Приветствую вас, ваше величество.

Вблизи его лицо все же выдает человека очень немолодого, даже пожилого, но не старого, морщинки мелкие, глаза внимательные, страха в них нет, только изумление.

– Доблестный сэр, – произнес он, всматриваясь в меня пристально, – гонец рассказывал чересчур сбивчиво... Кто вы?

– Ричард Длинные Руки, – назвал я. – Тот, которому вы пригрозили, что если не явлюсь немедленно, то в мои земли тут же вторгнутся ваши войска.

Он пробормотал в замешательстве:

– Ричард Длинные Руки?.. Я представлял вас намного старше...

– Я и есть намного старше, – ответил я небрежно. – Молод годами, но старые книги читал. Надеюсь, я вовремя, ваше величество? Ваши войска еще не на пути к моей империи?

– Империи? – переспросил он.

– Вы пожаловали мне титул принца императорской мантии, – напомнил я. – Но пробыв я им недолго... Даже не помню, дни или часы. Как-то императором для встречи с вами сподручнее, вам не кажется?

Он покосился на чудовищный диск зловеще-багрового цвета, таким нависающий над головами Маркус видится с нашей позиции, заметно побледнел.

– А что...

– Это мое, – ответил я небрежно. – Да, вы угадали. Явились тут какие-то к нам на Север. Пришлось их в землю по ноздри, а Багровая Звезда понравилась, взял себе. По одному моему слову уничтожит хоть город, хоть королевство или империю, хоть весь этот континент.

Он промолчал, понял, наверняка прикинул, как с нами справиться, он же на своей земле, под рукой бесчисленные армии, однако я не случайно как бы вскользь обмолвился, что любую армию легко уничтожить с высоты Багровой Звезды, и вообще все то, что делали филигоны, можем сделать и мы.

– Ваше величество, – сказал я, – Ричард Длинные Руки к вашим услугам. Вы потребовали, чтобы я немедленно прибыл. Не просто велели явиться, но еще и пригрозили прислать через океан огромное войско, которое все у нас сотрет в пыль, хотя точную формулировку не помню. Но угрозы были. Так что я вот здесь и сейчас. Перед вашими грозными очами.

Он вымученно улыбнулся.

– Никогда они у меня не были грозными. Меня вообще считают слабым императором. А насчет угроз... вы же понимаете... я император, за мной тысячи глаз... И тысячи ушей ловят каждое мое слово.

– И все же, – сказал я все еще учтиво, – ваше величество, что скажете?

Он выдержал надлежащую паузу, то ли этикет, то ли искал слова, здесь же без советников, наконец сказал примирительно:

– Вы на таком уровне не можете не быть политиком. Понимаете, что не все, что говорится громко, верно. Важнее то, что говорится шепотом. А то и вовсе умалчиваемое.

Голос его звучал негромко, даже приглушенно, хотя его свита осталась далеко за пределами слышимости.

– А что говорится шепотом?

– Что я в самом деле, – произнес он медленно, – заинтересовался вами.

Я произнес с долей сарказма:

– У вас настолько хорошо работает разведка на Севере?.. Ладно, это риторический вопрос. Во всяком случае, вы появились из пещеры явно без желания вести диалог.

Он вздохнул, лицо омрачилось. Я ждал, он произнес ровным голосом:

– Сожалею, что началось с некоторого... недоразумения.

Я ответил сухо:

– Достаточно заметного.

– Сожалею, – повторил он, – но я не мог иначе. Даже императоры вынуждены делать то, что положено. Это мои земли, я не мог допустить, чтобы меня останавливали или контролировали. Никто из могущественных лордов, сопровождающих меня, этого бы не принял. А такое чревато для династии.

– Могущественные лорды, – повторил я с неохотой, – да, везде эти лорды, влияющие, а то и вовсе определяющие политику и вообще все на свете... Но, ваше величество, вы предпочитаете потерять много, даже очень много, или... все?.. Простите за риторический вопрос, но моя реакция на вашу реакцию... была достаточно прозрачной.

Его лицо слегка омрачилось, то ли в самом деле, то ли сделал вид, даже чуть повел плечами.

– Да, это... впечатлило. Погибла почти вся моя элитная гвардия. Это серьезный удар по моей репутации.

– Новую дорогу, – поинтересовался я, – думаете прокладывать вдоль стены? Полагаю, ущелье лучше все-таки засыпать. Неприятные воспоминания нужно хоронить... поглубже.

Он взглянул пытливо.

– Полагаете, получится?

Я пожал плечами.

– Мне, как и вам, конфронтация ни к чему. Для успокоения ваших лордов можете сообщить, что вы император, а я ваш вассал.

Лицо его не изменилось, а в голосе прозвучала еще большая настороженность:

– А в реальности?

– Давайте откровенно, – предложил я, – нас никто не подслушивает, надеюсь. В реальности кто с моей нынешней мощью смирится с ролью смиренного вассала? В то же время и ваш вассалитет мне как-то ни к чему. Мои некоторые интересы сейчас, волей случая и неумного желания Скагеррака к захватам, лежат в Клонзейде... Но и там я не знаю пока, что делать, хотя делать обязан. Вроде бы весьма обязан в силу некоторых нравственных императивов.

Он сказал осторожно:

– Сэр Ричард, но формально вы все еще мой вассал. Простите, но в империи вас воспринимают именно так.

– В империи обо мне вряд ли слыхали, – уточнил я, – а при дворе уже знают, кто прибыл на Звезде Смерти и отменил катастрофу. Скромно говоря, спас мир. Пока вы прятались в пещерах, при вашем дворе кое-что произошло. Впрочем, я вообще-то помню, что да, принц императорской мантии. Хотя мне по барабану, ваше величество. Как и то, что я и сам император.

Он взглянул с тревогой.

– Сэр Ричард?

– Сейчас я выше, – напомнил я, – чем император.

Он пояснил почти виноватым голосом:

– Придворным это не просто понять. Мы живем в строго определенном мире, где все ожидают, что будете относиться к своему сюзерену с надлежащим почтением. Мир держится на традициях, вырабатываемых тысячелетиями.

Я развел руками.

– Скажите, в чем нарушил протокол, и сразу принесу извинения. Вы от меня потребовали, чтобы явился перед ваши очи, и я вот сразу, моментально даже... Выполнил ваш приказ! Или вы знали, что не стану тратить время на долгий и опасный путь через океан, полный чудовищ, бурь и непонятных явлений?

– Я верил в вас, – ответил он уклончиво.

– Ваше величество, – продолжал я, – я знаю десятки примеров, когда вассалы становились могущественнее своих же королей, но по всем законам и нормам права продолжали считаться вассалами.

Он бросил взгляд по сторонам, я насторожился, однако он сказал просительным голосом:

– Если не можем продолжить разговор в этой... Багровой Звезде, то, может быть, в моей карете?.. Не люблю вот так на виду. В моей свите есть люди, умеющие читать по губам.

– Понятно, – сказал я, – почему к ним спиной. В карете точно не услышат?

– Салон защищен, – ответил он и взглянул остро. – У вас не так?.. Видите, выдаю вам наши тайны, как знак, что ничего не замышляю.

– Можно выдать одну, – напомнил я, – чтобы надежнее спрятать три. Но вы меня как бы убедили.

Мы синхронно, плечо к плечу, направились к его карете. Я слышал, как за спиной трап стремительно втянулся в зев Маркуса.

Багровая тень под нашими ногами резко сдвинулась, это Маркус поднялся на полмили и завис там, огромный и страшный.

Возница замер, простая душа, не скрывает, что всего трясет при виде приближающегося властелина Звезды Смерти. Я остановился у распахнутой двери, позволяя императору подняться в карету первым, как ее хозяина и как человека, который вдвое старше меня, и плевать, как это истолкует наблюдающая издали свита.

В салоне все кричит о безумной роскоши, однако уютно, продумано, явно такие кареты выпускают с полтыщи, а то и тыщу лет, каждая мелочь не только шедевр художественности, но и удобств.

Два сиденья лицом по ходу, два напротив, император опустил первым в правое по ходу, я сел к нему лицом.

Он сказал с некоторым облегчением:

– Здесь нас точно никто не услышит.

– Ткань? – спросил я с видом знатока.

– И весь материал, – согласился он. – Сэр Ричард, я с вами знаком уже несколько лет... особенно по докладам известной вам Бабетты...

– Помню, – ответил я, – как она?

– Вся в делах, – сообщил он, – но о вас уже слышала. Говорит, ожидала нечто подобное... Сэр Ричард, обстоятельства вашего появления здесь очень необычны и, как вижу, меняют всю расстановку сил. Это очень тревожно и опасно. Могу я спросить, что собираетесь делать на Юге?.. Кстати, как мне к вам обращаться? Я не хотел бы хоть в чем-то проявить бестактность...

– На принципах равенства, – ответил я, – потому лучше нам остановиться на титуле «ваше величество». А на людях можно и «ваше высочество», уверяю вас, я не чувствую ущемления достоинства, зато чувствую себя моложе и вроде бы, как малолетний принц, ни за что пока не отвечаю.

Он поклонился.

– Ваше величество...

В его сдержанном голосе я все же уловил облегчение, победитель обычно старается демонстрировать доминантность в каждом слове и жесте.

– Кстати, – сказал я, а в голове мелькнуло, щас вот так и скажу, что планирую делать на Юге, но произнес предельно вежливо: – Ваше величество, со всех сторон сыпались предложения завалить вашу шахту глыбами. Да-да, чтобы вы там все... остались. Нет человека – нет проблемы. Наверное, не удивитесь, что больше всего таких предложений поступало от ваших подданных?

Он отвел взгляд в сторону, я сам чувствовал неловкость, разговаривая в таком тоне с человеком, явно более утонченным, чем я, но положение обязывает, нужна ясность в отноше-

ниях, и я продолжал смотреть неумолимо, как и должен смотреть диктатор, олицетворяющий нужды населения и озабоченный необходимостью подъема сельского хозяйства.

– Это неприятно, – проговорил он тусклым голосом, – очень неприятно, но в какой-то мере ожидаемо. Я надеялся, что поймут необходимость того, что и как было сделано... Все обсуждалось заранее и достаточно широко в обществе... и все понимали, что остальные варианты хуже.

– Понимали, – согласился я, – но видели несправедливость.

– Несправедливость ситуации, – проговорил он осторожно, – но решение спасти часть скота и запасы зерна были оправданны. Да, были голоса насчет взять в пещеры на несколько сот человек больше. Однако чем бы питались, поднявшись в разоренный мир? От голода умерли бы все, кому удалось бы выбраться.

– Жестокое решение, – согласился я, – но имеем то, что имеем. Я вынужден вести дело с позиции силы.

Он сказал со вздохом:

– Все решаете вы.

– Нюансы решения зависят от вас, – заметил я с неумолимостью.

Он развел руками.

– Понятно, я принимаю все ваши условия. Иначе всех ждет смерть, не так ли?.. Хотя понимаю, что скажете.

Я взглянул ему в глаза.

– Вы правы, люди северной империи предпочли бы смерть, чем подобные... условия. Но это так, к слову. Иллюстрация, с кем имеее дело. У вас другой народ, другая культура, другие ценности. Потому вашу позицию принимаю без осуждения, даже с пониманием.

Он чуть наклонил голову.

– Слушаю ваши условия.

– Ваша империя, – сказал я, – принимает протекторат Клонзейда. Да-да, чего та империя и добивалась по ряду причин, очень важных для их империи. Но Клонзейд нуждается в выходе к морю, потому ваша империя уступает ей королевство Гессен.

Он молчал, но я видел на его лице тщательно скрываемое облегчение. Империя цела, уже счастье, а что трон останется за ним – вовсе неожиданный дар. Потому потеря одного из восемнадцати королевств весьма прискорбно, однако совсем не смотрится невосполнимой потерей.

– Когда его величество император Скагеррак примет от меня королевство Гессен?

– Какой Скагеррак? – спросил я.

Глава 4

Он некоторое время смотрел на меня в упор молча, подозревая какой-то злой розыгрыш, победитель не может не покуражиться, это в крови у мужчин. По сути что-то близкое есть, хотя вообще-то не злое, просто оттягиваю его момент имперского триумфа, слишком уж большой делаю подарок.

Я сказал ровным голосом, тщательно сдерживая торжество:

– Как ваш вассал, так можете объявить вашему двору, на которого полагаетесь всецело, я сразу же взялся решать некоторые ваши проблемы. Имперские, не личные. Без вашего разрешения, но уверен, не будете против. Еще как не будете. Для начала освободил из заложников вашу внучку, хотя это вроде бы и личное, но все-таки имперское... Не благодарите, все было слишком просто. Стража разбежалась, охраны не было.

Его лицо впервые чуть дрогнуло.

– Клариссия?.. Каким образом?

– Ее зовут Клариссия? – переспросил я. – Красивое имя. Впрочем, девочка тоже... Кстати, империя Клонзейд больше не угроза. Я вообще-то миротворец, хотя это звучит странно в отношении человека, у которого меч в руке бывает чаще, чем столовый нож.

Он пробормотал в радостном изумлении и все еще в понятном недоверии:

– Это просто... даже не нахожу слов... Но... почему империя Клонзейд больше не угроза? Что случилось?.. И, простите, все-таки не поверю, что вдруг в самом деле решили в чем-то помочь.

– И правильно сделаете, – согласился я.

– Тогда в чем дело?

– Император Скагеррак, – сообщил я, – допустил ошибку. Потребовал у вас королевство Гессен... Не так ли?

Он поморщился.

– Не так, конечно...

– Ясно, – согласился я. – Не в такой прямой и оскорбительной форме. Дипломатия на марше, знаем, проходили. Но если и не все королевство в полной мере, но все же должно перейти под его влияние. А еще лучше под управление.

Он остро взглянул исподлобья.

– И почему, как вы полагаете?

– Император Скагеррак, – сказал я, – человек весьма энергичный и рисковый. Ему не сидится в пределах... Кому не хотелось бы экспансии?.. Ах да, вам не хочется, вы за стабильность... Так вот королевство Гессен возжелалось Скагерраку из-за крохотной полоски на берегу моря... На суше он скован границами, гарантом которых выступают Великие Маги, а море дает соблазнительную возможность беспредельной экспансии.

Он наклонил голову.

– Как вы узнали?

– Узнал, – ответил я туманно. – У вас свои возможности, у меня свои.

– Но все же...

Я пояснил:

– Все просто, Скагеррак задел мои шкурные интересы. Дело в том, что та полоска на берегу, называемая маркизатом Черро, принадлежит мне. А я в этот маркизат вложил столько усилий, хитрости, выдумки, моего вдохновенного гения... Вообще я был в ударе. Потому Черро мне дорог как песня моего детства!.. Хотя это было недавно, но императорская мантия быстро старит.

Он продолжал изучать меня острым взглядом исподлобья.

– Вот оно что...

– Да, – подтвердил я. – Вряд ли знаете все эти мелочи, но тот край был полностью пиратским, а короли Гессена сделать с ними ничего не могли.

– Знаю, – обронил он.

– А-а, тогда еще проще!.. Тамошние пираты приняли мой вариант перехода на легальную основу. В смысле, все награбленное вложили в инфраструктуру маркизата. Началось бурное строительство порта, заложили несколько кораблей, учредили выборную власть, меня даже выбрали королем, я согласился, но вскоре ушел... гм... на северный континент, а вместо меня остались как бы править две мои жены.

Он взглянул с любопытством.

– Две? Жены?.. такую деталь в рапорте упустили.

Я ответил с некоторой неловкостью:

– Когда государство строишь с чистого листа, можно закладывать основы любой формы правления. А при тех свободных нравах, что царили в маркизате... в общем, само как-то получилось. Я не охоч до женщин... в той мере, конечно, чтобы могли как-то влиять на мою деятельность, но когда само, то пусть. Я принимаю это, как смену погоды. Солнце, дождь или злой ветер, а работать все равно нужно. Потому Скагеррак маркизат не получит. Думаю, это устроит и ваше величество.

Он сдержанно улыбнулся.

– Еще как устроит. Я у вас в долгу. Но планируете ли вы и дальше...

– Пока умолчу о планах, – сообщил я. – Скажу главное, ваше величество. На ваш трон не посягаю. Это же главное?.. Даже на трон империи Клонзейд не посягаю, хотя там могут быть варианты. На этом, думаю, наш разговор можно закончить, а то ваши люди уже начинают втихую двигаться в эту сторону. То ли за вас беспокоятся, то ли что-то съели. В общем, мою армию в вашей империи рассматривайте как дружественную, что явилась на помощь. В вашу юрисдикцию не входит, что понятно, потому сдержите своих лордов от недружественных шагов. Если что сделают моим людям, я вмешаюсь лично!

– Я позабочусь сам, – пообещал он с торопливостью. – А что насчет нашего общения на людях? Ведь такие случаи будут? Нам еще нужно многие вопросы утрясти подробнее.

Я поднялся и, взявшись за ручку дверцы, сказал небрежным тоном:

– У меня люди Севера, этикета не знают, сообщите всем. Это их извиняет и даже оправдывает.

Он сказал быстро:

– Вы в самом деле спасаете нас...

– Кстати, – сказал я, – я из брошенных вами людей привлек на работу ряд ваших чиновников. Постарайтесь, чтобы к ним не было никаких репрессий.

Он воскликнул:

– Да я осыплю их наградами!

Когда распахнул дверь в солнечный мир, за спиной услышал вздох облегчения, все-таки в таком обществе важные вопросы жить или умереть стоят на одной доске с правилами придворного этикета.

Конная охрана, что в самом деле приблизилась и стоит уже в пяти шагах от кареты, поспешно подала коней в стороны. Смотрят со страхом и ненавистью, но это тот страх, что не помешает броситься на меня с оружием в руках.

Я повернулся и сказал в глубину салона:

– Пусть мне подготовят апартаменты. Я прибуду через пару дней. Тогда и перетрем кое-какие вопросы насчет будущего... Маркус, пандус!

Багровый трап, покрытый красным бархатом высшего качества, не отличишь от настоящего, выдвинулся из багрового днища и со стуком ударился толстым краем в землю прямо перед каретой.

Император все же выглянул, но успел только увидеть, как меня на трапе стремительно внесло в ловеще разомкнувшуюся щель в корпусе чудовищно огромной Багровой Звезды Зла.

Как только за моей спиной диафрагма сомкнулась, я сказал быстро:

– Маркус, вверх!

Зелень за окнами моментально сменилась голубизной, я перевел дух, а из тоннеля поспешно выступил Карл-Антон.

– Как прошло?..

– Почти договорились, – ответил я с облегчением. – В карете он был откровеннее. А вы смотрите уже неплохо. И даже лицо округлилось... Мне бы так!

Он коротко усмехнулся.

– В нашем мире восстанавливаться как можно быстрее просто необходимо. Вопрос жизни и смерти.

– У вас получается прекрасно, – сказал я. – В общем, можно обратно в Клонзейд...

– Разве?

– А что мешает?

– Возникнет впечатление, – пояснил он, – что вы с появлением настоящего императора исчезли, как дым. Надо побыть во дворце хотя бы сутки, показывая, что и вы здесь, несмотря на возвращение императора, не последний человек.

– Деликатный вопрос, – признал я. – Как не задевая гордости императора... гм... вообще-то я, как чуял, успел сориентироваться. Сказал ему, чтобы для меня подготовили апартаменты. Через пару дней нанесу визит...

Он воскликнул:

– Так и сказали? Прекрасно. По размеру апартаментов будет видно, как относятся к вам. В королевских дворцах все строго регламентировано, а в императорском вообще...

– Да, – согласился я, – вы правы. Лучше все-таки застолбить свое присутствие. Я запасливый. На днях заеду. А сейчас нужно посмотреть, что там у входа в пещеру.

Арбогастр примчался на свист, фыркнул на Бобика, тот по-царски возлежит у моих ног и показывает всем видом, что здесь и живет, а всякие лошади пусть там, где прочие животные...

– Встряхнись, – велел я, – прими гордый вид. Надеюсь, император уже въехал в пенаты, да и страсти малость стихли... Маркус, давай вниз, высади нас там у края провала. Хочу посмотреть, насколько же я страшный человек...

В окнах синева неба сменилась зеленью близкого леса, я сосредоточился, по-бараньи впеврив взгляд в толстую обшивку Маркуса, что не обшивка, а, скорее, скорлупа или панцирь, типа экзоскелета у муравьев и всяких там ракообразных.

Щель наметилась почти моментально, но дальше то ли Маркус затупил, то ли я отвлекся мыслью, там чуть расширилось, появились устрашающего вида зубья, черт бы побрал мое чересчур образное воображение.

Я стиснул челюсти и с железной ясностью вообразил гладкие стальные ворота, створки которых неспешно уходят в стены.

Арбогастр жарко дыхнул мне в макушку, я повернулся и взобрался в седло, успел заметить, что «уходят в стены» Маркус понял не совсем так, как я: толстые створки в самом деле раздвинулись и беззвучно вошли без следа в стены, смешавшись с нею словно пластилин такого же цвета.

Карл-Антон сказал за спиной:

– Ваше величество, вы все же... поосторожнее.

– И так трясусь, как заяц, – признался я. – Но разве император может быть зайцем, даже если заяц?..

– Не может, – согласился он. – Накиньте шкуру льва и ведите себя, как положено льву рыкающему.

– В смысле, порывивать чаще?

Арбогастр, услышав мой безмолвный приказ, гордой рысью сбежал по красному как бы бархату наклонного подиума, Бобик обогнал черной толстой молнией, но впереди на дороге остановился, коротко гавкнул.

Я приподнялся на стременах, со стороны завалов из серого камня доносится нарастающий цокот копыт. Через минуту оттуда вынырнули трое всадников на легких поджарых конях, передний замахал руками, все понеслись в нашу сторону.

Люди Норберта, судя по одежде, впереди скачет Фрифрост, старший в группе разведки, один из доверенных командиров Норберта.

Бобик сел на дороге и стал ждать, уже признав своих. Всадники остановили коней на всем скаку возле нас, на лицах глубокий стыд и злость.

Я вскинул руку и сказал первым:

– Уже знаю, а императору выразил свое неудовольствие, вы наверняка видели. А теперь подробности!

Фрифрост сказал отчаянным голосом:

– Мы вышли на дорогу и велели им остановиться. Они сразу же ударили...

– Как?

– Помчались в атаку, – объяснил он. – Сшиблись с нашими. Я все видел издали, сэр Норберт велел не покидать указанные места. Схватка прошла молниеносно, ваше величество. Они промчались сквозь наши ряды, как сквозь туман!.. За ними остались только тела наших людей и кони с пустыми седлами.

– Потери с их стороны?

– Ни одного, – ответил он упавшим голосом. – Ваше величество, их доспехи ничем не пробить и даже не поцарапать!.. Но зато потом вы их с Маркуса...

Я прервал:

– Все понятно. Инцидент исчерпан. Император принес извинения, мы заставим его выплатить репарации. А сейчас переведем дух. Люди императора готовят для нас торжественную встречу, а интенданты спешно освобождают достойные спасителей помещения во дворце.

Они направили было коней к трапу, но по взмаху моей руки все послушно остановились. Фрифрост уточнил:

– А наш нынешний статус? Теперь, когда император вернулся?

– Благородные спасители, – пояснил я. – Держитесь героями, унижать себя ни-ни. Смотрите свысока. Не забывайте, это мы вбили филигонов в землю по их поганые ноздри и захватили Багровую Звезду Зла! Уже этим мы выше и наряднее. Вы должны дефилировать как гордые гуси среди серых уток, несмотря на их парики и золотые камзолы!

Фрифрост уточнил:

– Мы не возвращаемся с вами?

– Нет пока, – сказал я. – Дуйте вслед за императором. Слушайте, что говорят в городе, как народ принял его возвращение, что судачат о нем и о нас. Нам важно удержать и эту империю... в числе лояльных.

Они переглянулись, уже озабоченные, но Фрифрост отчеканил с привычной бодростью правильного младшего командира:

– Приказ принят!.. Все сделаем, ваше величество!

Карл-Антон сказал из глубины тени:

– Хорошо у военных. Никаких пререканий... Не то что у нас – одни споры и уточнения.

– Увы, – сказал я, – авторитаризм хорош, даже прекрасен на коротких дистанциях. Ладно, Маркус, возвращаемся... Закрывай люк, набираем высоту.

Глава 5

Карл-Антон отступил еще глубже, стараясь ничем не отвлекать, я сосредоточился, старательно вызвал картинку величественного Волсингсбора с высоты мили.

Ничего не произошло, я закрыл глаза и постарался представить картинку как можно ярче и отчетливее, а также всю ту гамму чувств, которая сопровождает ее у меня при виде столицы Клонзейда, империи Изначального Света.

Некоторое время все оставалось, как и прежде, затем мгновенное помутнение сознания, которое я бы и не заметил, если бы не сосредотачивался изо всех сил, и тут же слепяще яркий солнечный свет ворвался через все окна с нашей стороны.

Далеко внизу раскинулся роскошный Волсингсбор, весь похожий на ухоженный ансамбль дорогих зданий, почти нет одинаковых, все чем-то да отличаются одно от другого, следуя причудливой моде.

– Бесподобно, – прошептал Карл-Антон.

– Очень красиво, – согласился я.

– Я говорю о перемещении, – сказал он. – Просто бесподобно! Ничего о подобном не слышал и даже в старых книгах нет.

– Другая геометрия, – ответил я. – Мы знаем только эвклидову и лобачевского, а Маркус использует возможности то ли квантовых процессов, то ли еще нечто.

Он посмотрел на меня с великим уважением.

– Ваше величество, вы так говорите о законах геометрии, словно все их знают с детства, а я вот вообще не слышал... Но если вы можете объяснить, то и сами, гм, в силах...

Я сосредоточился, представляя, как сравнительно медленно идем вниз, зеленая поверхность начала разрастаться в лес, Маркус опустился на старом месте неподалеку от городских ворот.

– Выходим, – крикнул я, – все выходим!.. Бобик, Зайчик!

Бобик примчался через минуту, Зайчика пришлось ждать дольше, на ходу что-то жует с хрустом, морда довольная.

Карл-Антон сказал с тревогой:

– Что-то нашли съедобное?

– Не сами, – объяснил с досадой. – Я ж говорю, Маркус их подкармливает. Скоро совсем перестанут слушаться.

Бобик запрыгал передо мной, то припадая грудью к земле, то подскакивая выше моей головы, и всем видом показывал, что просто влюблен в меня и никогда-никогда не предаст.

Карл-Антон спросил с недоверием:

– Зачем он это делает? Я о Маркусе?

– Родство чувствует, – ответил я. – Маркус, пандус к городским воротам...

Зайчик привычно подставил бок, я поднялся в седло, а Бобик черной молнией проскользнул мимо и с азартом ринулся по красной парадной дорожке.

Мне Бобик показался больше похожим на раскаленный обломок черной скалы, что несет все по дороге, несмотря на свой веселый и дурашливый нрав.

Городская стража всякий раз вздрагивает и цепенеет при виде приближения Багровой Звезды, но воинская дисциплина удерживает на местах.

Черный арбогастр красиво и гордо сошел по наклонному трапу на землю, Маркус по моей команде неторопливо поднялся выше облаков и завис в пугающей неподвижности, багровый и загадочный, Звезда Смерти, что все еще присматривался к жизни внизу.

Ворота торопливо распахнули, гвардейцы стараются даже не смотреть на страшного коня, а черный Пес пронесся мимо и тут же пропал за домами.

Я успел увидеть, как Карл-Антон, облачившись в незримника, молча прошел вслед за Бобиком и там сразу исчез из моего поля зрения.

Я придержал арбогастра, гвардейцы с бледными перед властелином Багровой Звезды лицами вытянулись, а я спросил жизнерадостно, как и нужно разговаривать с солдатами:

– В Багдаде все спокойно?.. Ну хорошо, бдите!.. Благодарю за службу!

Арбогастр сорвался с места, но сделал вид, что просто дает фору Бобику, тот показался издали, глядя в нетерпении в нашу сторону, и тут же сгустком ночи пронесся по улицам с такой скоростью, что горожане могли увидеть только промелькнувшую тень.

Юстера на этот раз не увидел, наверное, все же отсыпается за последние бессонные ночи, но местной охраны стало побольше, хотя ее пока что допускают только для патрулирования во дворе.

Внутри дворца пока что наши орлы дежурят на входах во все здания и на лестницах. Меня еще не увидели, но ликующий Адский Пес уже оповестил всех, что его любимый друг, хозяин и властелин всего на свете сейчас прибывает, всем прыгать и радоваться от скорого счастья лицезреть его светлый лик...

С высоты седла я уловил в дальней дымке горизонта очертания горного массива, горы на планете все молодые из-за Багровой Звезды Смерти, не расплывшиеся за миллионы лет, не осевшие в землю, а остропикие, с гладкими блестящими стенами.

Сейчас воздух кристально чист, я засмотрелся на вершины гор, не меньше дюжины идут одна за другой вплотную, а острые наконечники смотрятся как длинные иглы на спине чудовищно огромного дракона.

Сейчас победно горят в лучах утреннего солнца, оранжевые, словно накаленные и распространяющие жар, а дальше внизу еще тьма ночи...

Я тряхнул головой, какое утро, скоро обед, солнце светит сверху, а не из-за края, горы должны быть освещены целиком...

Подозвав одного из местных слуг, поинтересовался:

– Что за горный хребет?

Он в недоумении посмотрел в ту сторону.

– Ваше величество?... Там просто горы.

– А как называются?

Он подумал, почесал в затылке.

– Ваше величество, да так и называются... Горы.

Я кивнул, отпуская его прочь, в черепе вяло барахтается мысль, что в той стороне Жемчужная, а этот хребет как раз и разделяет обе империи. Скалолазы, конечно, могут перебраться из одной в другую, а то и контрабандисты, но хребты уложены, как нарочно, так, чтобы не провести армию на захват и завоевание.

Но так перекрыты пути не только для армии, но и для торговли, обмена людскими ресурсами. Вообще здесь слишком многие привычно живут в строгой изоляции, а это не совсем хорошо, а мы такие, что обязательно постараемся сделать всем очень хорошо, хотя бы для этого сперва придется все сжечь, а всех недовольных перебить.

Со всех сторон смотрят высыпавшие во двор придворные, все в цветных, но обязательно светлых одеждах, большинство в пастельных тонах, есть в розовом, желтом и оранжевом, наши все еще смотрят косо, дескать, женщинам можно все, дуры, а мужчины как могут наряжаться так ярко? Стыд, срам и позор.

Из здания навстречу выбежал Чекард, быстрый, хваткий, в блестящей легкой кольчуге, хищный и целеустремленный, как муравей крематогастер пилоса.

– Сэр Ричард! – вскрикнул он. – Все в порядке, все работают!

Я покинул седло, передав ему повод, кивнул на любопытствующих придворных, что боязливо рассматривают нас издали, но самые отважные потихоньку приближаются, льстиво кланяясь и заискивающе улыбаясь.

– А эти?

Он поморщился.

– Все в таких нарядах, не отличишь герцога от лакея...

Я сказал наставительно:

– Ты же разведчик, должен замечать разницу. У слуг такие же парики с буклями по бокам, видишь, но сзади, смотри внимательнее, хвосты перехвачены огромными черными бантами!.. Только слепой не увидит.

Он угрюмо посмотрел по сторонам, у всех местных мужчин такие же парики на затылке удерживают распадающиеся волосы огромными цветными бантами: красными, синими, оранжевыми, зелеными и вообще всех цветов, но только у слуг – черными.

– Да, – согласился он, – но как насчет вон того?

Я взглянул на тучного господина в камзоле из золотой парчи, через плечо лента из широкой голубой ткани, по всей длине усеивают бляхи из золота, треть с драгоценными камешками, цветные плетеные шнуры по бокам, крупные золотые пуговицы, над каждой поработал ювелир, а сверкающий серебром парик сзади перехвачен угольно-черным бантом.

– Гм, – ответил я в затруднении, – ничего, во всем разберемся. От людей сэра Норберта ничего не скроется!

Одного из наших стражей я еще внизу у лестницы послал собрать военачальников высшего звена в мой кабинет, теперь уже твердо решил все апартаменты Скагеррака присвоить, совещание не совещание, но короткий брифинг нужен, да и вообще важно почаще напоминать даже нашим, кто рулит и олицетворяет.

Хрурт и Ульман все еще в коридоре почти в том же виде, как и оставил, засияли, рты до ушей.

Я предостерегающе вскинул ладонь.

– Но-но, без обнимашек!.. От меня пахнет женскими духами, не спугните. Вы что же, вот так и ждали?

– Периальд свалился, – сообщил Ульман гордо, – а мы ждем.

– Очень вы мне нужны, – сказал я, – недосваленные!.. Марш отсыпаться, а то какой из вас толк?.. Идите, идите!

Вскоре внизу послышался шум, бодрые мужские голоса. Из коридора донесся бесцеремонный топот сапог, это точно наши.

Дверь распахнулась, вошел в сияющих доспехах розовощекий Палант, бодрый и такой же яркий, как и его кираса клондзейской выделки, уже покрытая золотом и с выпуклым гербом на груди.

От громоздкой стали, закрывающей от середины бедер и до пальцев ног, уже отказался, брюки из тонкой ткани, сапоги мягкие, больше для дворцовых танцев, чем для походов, но все же не презренные туфли.

Он учтиво поклонился, коротко и по северному сдержанно.

– Ваше величество?

Я кивком указал на кресла у стола.

– Садитесь, Палант. Слоны, как и водится, придут последними.

Но не успел он опуститься в кресло, вошли Альбрехт, Норберт, за ними почти сразу Келляве и Гевекс, граф Мальгерт и даже тучный сэр Рокгаллер, градоначальник города Волсингсбора.

Я критически оглядел Альбрехта, вот уж у кого врожденное чувство вкуса, даже не заморачиваясь внешним видом, он всегда самый элегантный из моих военачальников и соратников,

сейчас же на пороге сорвал шляпу и, сделав два шага в сторону, давая возможность войти из коридора остальным, учтиво и грациозно поклонился, абсолютно точно соблюдая пропорции между сдержанным достоинством северян и танцевальной сверхгалантностью южных жителей.

Его кираса сверкает золотом, абсолютно гладкая, отражает огни свечей так, будто вся из зеркала, под кирасой дорогой камзол из парчи оранжевого цвета, пышные манжеты в два ряда, брюки в обтяжку, сапоги отделаны вышивкой, шнурами и нашлепками из металла.

Держа шляпу в руке, еще раз красиво взмахнул ею в приветствии, сразу видно, кому Палант подражает, осведомился:

– Ваша Звездная Звездность?

– Это еще что? – проворчал я. – Совсем ни в какие ворота.

Он ухмыльнулся.

– Слышали бы вы, как вас величают местные!.. Та-ак, кто наливает?

– Вы без меня совсем орастились, – буркнул я. – Садитесь, буду шкуры снимать. Почему мир еще не во всем мире? И где-то кто-то горько плачет? Теперь мы за все в ответе!

Он сел, сказал со вздохом:

– Сэра Растера в самом деле не хватает за таким столом.

– Это рабочий стол, – напомнил я сварливо.

– Вот-вот, – согласился он. – Мы бы поработали... Дорогой граф, садитесь рядом, давно не общались...

Граф Мальчерт учтиво поклонился, красивый и аристократичный, ему местные наряды точно нравятся, сел с Альбрехтом рядом.

– Я вам пообщаюсь, – сказал я, возвысив голос. – Видите карту?.. Это не карта, а хрень какая-то. Здесь только маршруты!

Келляве сказал с сомнением:

– Города расположены как раз вдоль этих маршрутов, не так ли?.. То ли поселения так возникли, то ли маршруты проложили по ним точно, но разве для нас это важно?

– Не совсем так, – возразил я. – Есть веские предположения, что в необозначенных на карте местах имеются и другие поселения. Но с этим разберемся. Но сперва с тем, что тормозит прогресс и развитие сельского хозяйства...

Палант сказал живо:

– Но вы же разобрались с Великими Магами, что тормозили прогресс и это, как его, развитие?

– Осталось разобраться с багерами, – пояснил я. – Правда, сперва подумаем насчет дорог.

Альбрехт сказал с неудовольствием:

– Ваше величество, не поясните ли...

– Настроим дорог, – пояснил я. – Что непонятно?

Он сказал с сомнением:

– Народ будет недоволен... А вы же народник, к нему почему-то прислушиваетесь.

– Я хороший правитель, – ответил я с достоинством. – А хороший правитель стрижет шерсть, а не сдирает шкуру.

Глава 6

Он посмотрел на меня в упор, в холодных серых глазах стального цвета проступило сомнение.

– По дорогам, – сказал он, – нужно самим ездить, а багеры возят... Даже я, столько постранствовавший, ощутил, как это здорово. Поднялся в эту огромную карету на сотню человек, а она везет сама по себе и даже на кочках не потряхивает.

– Здорово, – согласился я, – но из-за них дороги вообще перестали строить!.. Впрочем, народ всегда чем-то недоволен. По себе знаю, я же тоже народ!.. Еще какой, бунтарский и свободолюбивый. Потому будем делать то, что народу надо, а не что этот сраный народ хочет.

– Но тогда как, – сказал он, возвращая мою красивую и свободолюбивую мысль к скучному началу, – объясните этому самому... народу?

– По предсказанию, – ответил я, – или еще по каким-то пророчествам, багеры скоро все упадут. И разобьются со всеми, кто там катается. Потому во избежание потерь среди мирного населения багерами отныне будет пользоваться только моя армия. Солдат не жалко, для того их и берут для такой работы.

Он посмотрел на меня с уважением.

– Хитро. Даже мудро, хотя это вроде подхалимаж с моей стороны.

– В отношении моего величества, – сказал я твердо, – никакой подхалимаж не подхалимаж, все равно будет недооценка моих титанических усилий! Я такой, замечательный... Хотя, если честно, это не столько я, сколько... гм...

– Старые книги, – подсказал он. – Вы же старые книги читали!.. А кто старые книги читал, тот управляет теми, кто не читает?

Я усмехнулся.

– Кто вообще читает книги, старые или новые, управляет теми, кто не читает.

Келляве покачал головой.

– Ваше величество, хорошее дело строить дороги. Хоть и хлопотное. Но одно дело к ближайшему селу или к соседнему городу...

Он умолк, остальные тоже молчали, у всех вид выжидательный, я сказал поощряюще:

– Сэр Келляве, вы всегда смотрите в корень. Да, вы правы, для императора моего масштаба... вы уже запомнили, что я император?... это мелковато...

Альбрехт заметил с ехидцей:

– Думаю, все запомнили. Вы это повторяете пять раз на день. И что за масштабные дороги замыслили?

Я посмотрел на него с интересом.

– А-а, вы тоже, как и граф, поняли?... Смотрите на карту. Вот здесь самая короткая дистанция между империями Германа и Скагеррака. Но если по прямой до королевства Гессен, то соединить дорогой лучше в этом месте...

Я провел черту, Альбрехт сразу возразил:

– Почти вдвое длиннее!..

Келляве кивком указал в мою сторону.

– Если его величество сумеет, как надеется, прорубить ущелье через тот горный хребет...

Я сказал нервно:

– Да, надеюсь!.. Но каким получится, не знаю. Мы все делаем впервые!.. Как и живем в первый раз.

Келляве сказал невозмутимо:

– Дорога станет длиннее, это верно, обозы пройдут медленнее, зато товары из Клонзейда попадут сразу в Гессен. Там на багеры, а дальше по прямой в Черро, хотя именно насчет дороги я сомневаюсь...

Гевекс спросил скептически:

– А смысл? Рыба и в реках водится...

– У морской иной вкус, – заверил я. – И вообще в море не только рыба. Кальмаров не пробовали?.. Кстати, по всему побережью Черро добывают поистине чудесный жемчуг. А еще там ископаемые, которых нет в империях Германа и Скагеррака, потому что далеки от морского побережья. Даже морская соль нежнее каменной.

Альбрехт взглянул на меня испытующе.

– Но на самом деле цель иная?

Все повернулись к нему, Альбрехт в неудовольствии пожал плечами.

– Разве не очевидно? Сэр Ричард не станет интересоваться жемчугом или солью. Его величеству подавай размах!.. А размах даст только строительство могучего флота, что начнет бороздить все моря и океаны, откроет острова, а также земли на Западе и Востоке. Судя по разным намекам, там тоже огромные континенты, а населены они незнаемо кем и чем.

От последних слов повеяло угрозой, Палант передернул зябко плечами и сказал храбро:

– Багровая Звезда защитит...

Я ощутил на себе взгляды, подумал, подбирая ответ помягче.

– А как вам то, что Багровая Звезда может стать тем же, чем здесь были Великие Маги?.. Люди разучились даже работать!.. Молчу уже о таком благородном деле, как воевать!.. Полный застой. Потому нужно жить так, словно Маркуса нет вовсе.

– Но он есть, – пробормотал Келляве, – всяк понимает, что в случае большой беды ваше величество с его помощью испепелит любую армию противника!

Я сказал зло:

– Тогда придется от Маркуса избавиться... Человек либо живет в полную силу, либо не живет вовсе. А теперь всё, я решение принял... Куда поднимаетесь? Что, в нижнем зале снова пир?.. Нет уж, еще одна проблема, с которой точно Маркус не справится, а придется вам. Как, не знаю.

Альбрехт первый уловил, что сейчас последует самое сложное, сказал кратко:

– Давайте, ваше величество. Пусть затрещат спины.

Я оглядел все очень серьезные лица строгим взглядом.

– Мы в самом деле в очень опасной ситуации. Чрезвычайно.

Сэр Келляве вскинул руку и мощно хлопнул широкой, как лопата, ладонью по рукояти топора за спиной.

– Будет битва?.. Наконец-то!

Я сказал примирительно:

– Дорогой сэр Гастон, вы теперь за нашего кроткого сэра Растера? Битва будет, и не одна, но не сейчас. В данный момент нам нужно если не победить, то хотя бы выжить в самой нелегкой битве, какая у нас еще не случалась никогда раньше.

На меня смотрели непонимающе, Альбрехт сказал сдержанно:

– Ваше величество, вам стоит разъяснить подробнее. Я хоть рядом с вами оказываюсь чаще всех, но тоже почти не понимаю. Видимо, никто из нас с такой проблемой не сталкивался?

Я кивнул, продолжая рассматривать притихших соратников.

– Как вы знаете, я старые книги читал. Там примеров уйма, как победоносная армия захватывала огромные страны с богатым населением и... через одно-два поколения растворялась в нем без следа. Знаю только один пример, когда армия Вильгельма Завоевателя, был такой в старину, захватила Англию, его армия больше ста лет говорила на своем языке, но потом и она растворилась среди туземного населения. Остальные завоеватели в больших и

богатых странах исчезали гораздо быстрее. Без войн, без сражений... Просто перенимали обычаи местных, их нравы...

Палант вскрикнул:

– Что? Да мы никогда...

Я резко вскинул руку, запрещая перебивать вождя.

– Еще в древности пытались. Александр Великий сам женился на дочери покоренного императора и своих полководцев побуждал брать в жены местных принцесс, чтобы удержать завоеванное. Но не получилось. Как вы поняли, это меня пугает больше, чем любая битва!..

Альбрехт поинтересовался настороженно:

– Ваше величество... не может быть, чтобы у вас еще не было решения?

Я ответил с усилием:

– Признаться, нет. Мы впервые в такой ситуации. Впервые у нас противник, который ну совсем не сопротивляется! Все, напротив, распахивают перед нами все ворота.

Сэр Рокгаллер пробормотал в наступившей тишине:

– А я все думал, что мне так не по себе... Все оглядывался, откуда вдарят... А оно гляди как... Еще хуже!

Тишина стала еще гнетущее, Альбрехт наконец сказал со вздохом:

– Мне ничего не лезет в голову. Разве что призвать сюда армию священников.

Я бросил в его сторону острый взгляд. Эта идея все чаще приходит и мне в голову, хотя я предпочел бы призвать их попозже.

– В общем, – сказал я и поднялся, – задача вам ясна. Ищите варианты, как решить без особой крови. Продумывайте, как укрепить такие связи, чтобы на благо, а не как у нас чаще всего да еще с дурными песнями!

Глава 7

Бобик, как чуял, примчался со всех ног, я потрепал его по башке, чувствуя себя так, будто глажу башню танка, искал взглядом арбогастра.

– А Зайчик где?.. Видишь, понимает, черномордый, что я весьма занят. А тебе все по фигу...

Он завилял хвостом и даже задом, подтверждая, что ему в самом деле по фигу, чем я занят, хочет лежать у моих ног то на пузе, то на боку, то вовсе свернувшись калачиком, и даже на спине, это так здорово, когда кверху лапами, хошь покажу?

– Не хочу, – ответил я. – Я отлучусь ненадолго, обещаю. Тебе в Маркусе будет скучно.

Он в обиде подпрыгнул на всех четырех, как это скучно? Ему нигде не бывает скучно! И вообще что такое скучно?

Когда я отбивался от его просьб взять с собой да куда угодно, в сторонке возник размытый силуэт в длинном плаще и в широкополой шляпе с обвисшими краями. Судя по мерцающему воздуху, защита от посторонних взглядов достаточно мощная.

– Сэр Ричард, – донесся шепот, – срочные вопросы...

– Некогда, – ответил я, – отлучусь надолго. Хотя можете со мной.

– Спасибо.

Маркус выдвинул и опустил трап уже без задержек, не опустил, а почти выстрелил, повторяющиеся действия усваивает быстро, а затем внес меня наверх, как на скоростном эскалаторе.

Карл-Антон успел вскочить на трап тоже, а когда оказались в Маркусе, торопливо отошел в сторону.

– Прекрасно, – сказал я с чувством, которое Маркус, надеюсь, уловил, – я тебя люблю! Мне с тобой хорошо и здорово. Мы с тобой прекрасно соуживаемся.

Хотел сказать, что и взаимопомогаем, но ему какое от меня помогание, так что игра пока в одни ворота. Возможно, это рудимент, остаток программы, когда должен быть с человеком, в смысле, с более высоким разумом, хотя, возможно, это не рудимент, а ощущение, что с более развитым разумом надежнее существовать, тот вовремя заметит опасность и успеет предупредить, а то и вовсе спасет.

Карл-Антон вышел из незримости, я предупредил:

– Только не пускайтесь во всякие тут исследования!.. В самом Маркусе.

– Ваше величество, – сказал он торопливо, – это же какие возможности!

– Знаете, сколько здесь горячих голов сгнуло? И жаба не кумкнула. Есть места, куда и мне лучше не соваться. Маркус сожрет и не заметит. Не сам сожрет, а его желудок или иммунная система. Мы для него меньше, чем пара микробов.

– Ваше величество?

– Микроб, – пояснил я, – вроде мухи рядом с медведем. А то и еще мельче.

Он взглянул с почтением, но ничего не сказал, только во взгляде отразилось нечто такое, что видел уже несколько раз, но все недосуг поинтересоваться, что он намыслил.

Я сосредоточился и, установив ментальную связь с Маркусом, это чувствую по окутывающему меня теплу, поднял его выше и повел в северную сторону, где должны находиться границы с Жемчужной империей.

Карл-Антон неотрывно всматривался в быстро скользящую внизу бугристую поверхность, по лицу струились тени, наконец покачал головой.

– Никогда вот так не видел...

– Что, – спросил я, – никогда в личине орла или чего-то типа?

– Нет, – ответил он и, быстро взглянув на меня, поинтересовался, – а вы пробовали?

– Только не на Юге, – ответил я. – Здесь почему-то не удастся. То ли защитные поля, то ли еще что.

– А там кем?

– Драконом, – ответил я скромно. – Это самое да... а еще мелочью всякой, но не мельче, чем я сам. В муравья превращаться не мог. Даже в воробья.

Он бросил в мою сторону косой взгляд.

– И вы, обладая такой мощью, пошли всего лишь в императоры?.. Простите, но это ни в какие ворота.

– Стыдно, – согласился я. – Все равно что по своей воле в армию. Но если обстоятельства...

– Какие могут быть обстоятельства, чтобы заставить идти в армию?

– Родину защищать, – ответил я со скромной высокопарностью. – И Отечество, которое будет.

Он умолк, против козырного туза несогласие можно выражать только молча, а я кивнул в нагромождение скал внизу, на чудовищные разломы, где словно исполинский плуг пять тысяч лет тому прошелся по поверхности, поднимая пласты в сотни ярдов земли уже с коренными породами, а там, где шел еще и поперек, холмы громоздились на холмы, образуя горы.

Где-то плуг опускался на большую глубину, образовывались цепи гор, высокие и без заметных перевалов, лишь изредка кое-где бреша, но следующая каменная гряда перекрывала и эти пути. Нужно быть очень уж отважными и даже безрассудными искателями приключений, чтобы по таким местам из одной империи перебираться в другую.

– Маркус, – сказал я вслух и подтвердил ментальным приказом, – двигаемся на этой скорости и на этой высоте... Все рассмотрим, семь раз примерим, а потом ка-а-акотрежем в другом месте...

Несколько раз казалось, что не все здесь работа Маркуса, очень уж изощренно перекрыты щели между королевствами, тем более – империями. Похоже, Великие Маги постарались укрепить границы, потому что это границы их владений, а уж затем границы империй всяких там простых людей, а они все простые, если не знают высокой и одухотворяющей магии.

Кордон между Жемчужной и Клонзейдом не обозначен, но я сам ощутил его всеми фибрами, увидев впереди настоящий горный хребет, протянувшийся от края горизонта и до края. По летописям неизвестно, сколько времени занимало разрушение земной коры, может быть, вообще годы, хотя вряд ли, столько пленные в корабле не выживут, да и не собираюсь терраформировать планету, мне бы самый краешек...

– Маркус, – сказал я, – давай подробно объясню, что нужно сделать, чтобы нам с тобой было хорошо...

Карл-Антон отступил в тень и затих, стараясь не привлекать внимание. Я сосредоточился, через пару мгновений мягкое тепло коснулось моего тела, словно со всех сторон включился инфракрасный обогрев.

Воспрянув, я собрался и проговорил еще отчетливее, с радостным подъемом:

– Нам нужно, чтобы было хорошо и правильно обоим! Потому сделаем небольшой разрез через этот горный хребет... Горный хребет – это вот это образование на поверхности планеты вроде большого застарелого шрама... Нужно прожечь или как-то иначе сделать проход...

Чувствуя, что это все абстрактное, я начал представлять картинку, как вон туда наперез горному хребту падает тепловой луч, будто из уэллсовского корабля марсиан. Луч прожигает узкий проход, что на самом деле не такой уж и узкий, телеги пройдут в две стороны, еще и место останется, но опять же Маркус не понял, тогда я упростил задачу и начал объяснять, иллюстрируя картинками, что горы вот на пути этой прямой линии нужно просто уничтожить... Как – неважно, но должны перестать быть, только нельзя делать слишком глубоко, а так, на общем уровне поверхности планеты...

Снова он не понял, я чувствовал, как голова начинает раскаляться, как чугунок на огне, повторял и повторял, иллюстрируя как можно более яркими образами в мозгу.

Под ногами чуть дрогнуло. Я торопливо повернулся к окну, сердце сжалось. Ближайшая к равнине гора медленно оседает, к небу поднимается черный чадный дым, словно она плавится на раскаленной плите.

Карл-Антон прошептал совсем тихо:

– Только не отвлекайтесь, ваше величество!.. Только не отвлекайтесь!.. Если сорвется, все пропало...

Я стиснул челюсти, проход все же получается намного шире, чем я рисовал в воображении. Он в точности такой ширины, как было при уничтожении Башен Великих Магов.

Вообще-то, только теперь воскресил в сознании картинку в деталях, Маркус сжигал не только сами башни, как я велел, но и землю вокруг них в радиусе ярдов десяти-двадцати. Тогда я, ошарашенный, что Башни уничтожены, не обратил на это внимания, но сейчас понимаю, Маркус просто не умеет сделать луч еще тоньше.

Карл-Антон сказал за спиной:

– Не волнуйтесь, все почти по вашей задумке. Багровая Звезда не создана для ювелирных тонкостей.

– Да уж, – проговорил я дрожащим голосом, – Маркус, все хорошо, все правильно, теперь не останавливайся... Дальше и дальше вот так по прямой... не уклоняясь в сторону...

Взмок уже весь, мелкие капельки пота на лбу собираются в крупные и ползут, щекоча кожу, в глаза. Брови умело отводят в стороны, и пот стекает по вискам и скулам на щеки.

Сбоку мелькнула рука Карла-Антоня, лба коснулась сухая тряпочка, заодно вытер щеки и даже нос.

– Не отвлекайтесь, ваше величество...

Я всматривался в клубы черного дыма внизу, часто прорываются оранжевые языки пламени. Башни, насколько помню, он уничтожил иначе, но, возможно, сейчас это потому, что я сам брякнул насчет теплового луча да еще и воссоздал в мозгу яркую картинку из красочного фильма насчет войны миров.

Несколько часов Маркус плыл над покрытой шрамами планетой по прямой, а я с дрожью сердца оглядывался на глубокий прямой разрез через скопище высоких гор, черный и страшный, где все еще поднимается редящий дым.

Ущелье получилось очень даже широким. Любой караван пойдет в безопасности, если не под самыми стенами, откуда можно сбросить камень.

Горы становились все ниже, наконец мы с Карлом-Антоном одновременно увидели вдали равнину.

Он всхлипнул в изнеможении, словно сам проломил туннель голыми руками, а я сказал охрипшим от волнения голосом:

– Еще немного... Вон две горы и то скопище скал и... все... Мы молодцы!.. Нам будет хорошо... Мне уже хорошо, ты чувствуешь...

Карл-Антон прошептал:

– Даже я это чувствую. Продолжайте, сэр Ричард, умоляю!.. Продолжайте!

Внизу дважды полыхнуло багровым огнем, за нами тянется чадный дым, словно подожгли и близкие к поверхности залежи нефти. Иногда проблескивают красные пятна, я с трепещущим сердцем подумал, что проход создали, молодцы, но как бы он не оказался непроходимым лет на сто...

– Все, – сказал я с натужной бодростью, – Маркус, мы с тобой молодцы. Хорошо поработали, теперь хорошо поедим и хорошо отдохнем. Возвращаемся.

Карл-Антон ахнул, горный хребет с поперечной дымной щелью исчез, а вместо него далеко внизу раскинулся огромный город, Волсингсбор, столица крупнейшей империи Юга.

– Как быстро, – проговорил он медленно.

– Как и вы, – заметил я.

– То я, – сказал он, – а то такая масса... Не представляю...

– Наверняка наука, – заверил я, – не магия. Так что хотели сказать, но не успели?

Он встрепнулся.

– Да-да, все думаю о Скагерраке. Местоположение Германа Третьего вычислили довольно быстро, но Скагеррак осторожный политик, ваше величество. И очень предусмотрительный. Я пока не отыскал следов. Но, думаю, его приближенные, что остались здесь, могут попытаться прокопаться к нему. Не думаю, что это просто, Скагеррак наверняка принял меры, чтобы к нему не пробрались какие-то отчаявшиеся... но кое-кто может попытаться предупредить, что катастрофа отменилась, в его дворце узурпаторы... и тому подобное. Я бы все-таки установил наблюдение.

– За кем? – спросил я горько.

– За группами, – сказал он рассудительно, – кто будет вывозить за пределы столицы землекопов и множество лопат, заступы, кирки, ломы, а также тягловый скот, чтобы с его помощью растаскивать особо тяжелые глыбы.

Я подумал, кивнул.

– Да, надо озадачить сэра Норберта. Пусть раскинет сеть. Спасибо, Карл-Антон!

Он церемонно поклонился.

– Сэр Ричард, вы спасли мою жизнь, теперь она ваша. Да и вообще...

Я насторожился, больно у него загадочный вид.

– Что?

– Хоть одним бы глазком взглянуть в те книги, – обронил он, – которые вы читали.

Глава 8

Едва Маркус навис над городом, на всех улицах и площадях начали разбегаться и прятаться под защиту стен. Мне показалось, бегут будто цыплята под растопыренные крылья курицы, не понимают, что это не спасет от чудовищной массы Багровой Звезды. Или понимают, но все-таки...

– Привыкнете, – пробормотал я с чувством неловкости. – Привыкли же, что маги вам даже носы вытирают.

Карл-Антон покачал головой.

– К Багровой Звезде? Вряд ли. Это же смерть над головами. Всеобщая гибель.

– Придется прятать, – сказал я.

– Из скромности?

– Из мало присущей политику деликатности.

– Неловко от своей мощи?

– Впервые такое, – признался я. – Мерехлюндствую, да?.. Я ж говорю, больше поэт, чем политик. Вроде императора Нерона, что свою поэзию ценил выше своей безграничной власти над единственной супердержавой мира.

– Ох...

– Маркус, – сказал я, – подай, лапушка, трап...

Широкий и торжественно багровый, трап выдвинулся без величавой важности, моментально уткнулся краем в каменные плиты двора, а я сбежал тоже чуть ли не вприпрыжку, запоздало вспомнил о надлежащей солидности, но отмахнулся, ладно, с Багровой Звездой за спиной я солиден и весьма грозен всегда, пусть даже явлюсь без штанов.

Маркус прыгнул в небо и пропал за облаками, а люди тут же начали выходить из укрытий, улыбаются и делают вид, что ничуть не испугались и даже не обделались.

Я пошел было императорской походкой, но озлился на себя, что за конформизм, я же варвар, мне все можно, а кроме того, кто прорубил окно к океану?..

Навстречу поспешили как придворные, так и мои люди, но решительно протолкался вперед Чекард, сразу же без поклона, чтобы не терять времени, выпалил:

– Ваше величество, наших людей отказались принять сразу в трех королевствах!

– Ого, – сказал я, – это серьезно. Оповести Совет о срочном совещании. Есть и добавочные новости, там сообщу.

Он кивнул и поспешил в левое крыло, где расположились мои ближайшие лорды, а я уже с должной неспешностью императора направился в главный корпус.

Сбоку послышался едва слышный голос той тональности, который слышу только я:

– Сэр Ричард, здесь я вас оставляю...

– Вы нужны на совете, – ответил я тем же шепотом. – Есть кое-какие задумки.

– Ох...

Он выбрал момент, когда в коридоре никого, быстро выскользнул из незримости и некоторое время шел рядом, но когда впереди показалась дверь моего кабинета со стражами по обе стороны, сказал торопливо:

– Ваше величество, я лучше подожду в коридоре!

– Но ваше присутствие на совете...

– Ваше величество!

Я отмахнулся.

– Хорошо-хорошо, только никуда не уходите. Ждите!

В коридоре слышались громкие раскатистые голоса, топот сапог, Периальд стукнул в дверь, Хрурт с этой стороны распахнул, в кабинет начали входить мужчины, это первое, что приходит в голову. В сравнении с местными, да, мужчины, хотя не знаю, комплимент ли, все-таки мужчины – это основа, на которую наслаивается специализация, профессионализм, опыт и все то, что приобретается в жизни.

Но в этой империи на здоровую мужскую основу наслоили слишком уж много лишнего, но как содрать, когда это лишнее такое приятное, легкое, удобное и бездумно развлекательное?

Огромный кабинет еще от двери начал заполняться голосами. Я с удовольствием отвечал на приветствия, каждый держится почтительно, но с достоинством, нет этого подчеркнутого подхалимажества, настолько введенного в культ, что выглядит теперь верхом изыщества в галантном искусстве придворного этикета.

Сэр Келляве в суровых доспехах всегда готового в бой воина разве что оставил в покое меч и топор, да и тяжелые доспехи сменил на легкий панцирь, но все же лоб перехватывает широкий стальной обруч, а грудь закрывает кираса, как у Альбрехта, только, в отличие от покрытой золотом альбрехтовой, стальная, да и все остальное подчеркивает верность суровой простоте: широкий кованый пояс, кожаные брюки, сапоги со шпорами...

Палант, напротив, перещеголял всех по красоте и яркости, даже Альбрехта, к тому же отпустил короткие хвастливо вздернутые усики, в руке оранжево-красная шляпа с целым веером неимоверно пушистых перьев, камзол расшит золотыми и серебряными нитями, цветными плетеными шнурами, широкими лентами из сверкающего атласа и самой дорогой парчи. Даже брюки из тонкой ткани, но, правда, северного кроя и заправлены в сапоги, конечно, с низкими голенищами, из мягкой ткани и, какой стыд, расшитые золотыми нитями.

Вошли с непроницаемыми лицами сэр Робер, тучный сэр Рокгаллер, даже граф Мальгерт, хотя он и не член Совета, но у меня пока что не обрисовался постоянный состав, потому мои гонцы для срочного совещания хватают тех военачальников, кто окажется вблизи.

Все они смотрятся в диапазоне от Келляве до Паланта, за последнее время заметно ослабились, в кабинет вошли без мечей, топоров и вообще оружия, если не считать ножей на поясах, однако лица серьезные, а у Келляве и Норберта я бы назвал даже встревоженными.

Некоторую неловкость уловил по тому, что рассаживаются с нарочитой небрежностью, без нужды двигают кресла, говорят излишне громко, на окружающую роскошь изо всех сил стараются смотреть с презрением, хотя чувствую, как этот комфорт обволакивает будто теплым воздухом, заставляет расслабить напряженные мышцы.

Растворимся, мелькнула уже не тревожная мысль, а пугающая уверенность. Нужно что-то предпринять. А вариантов вижу пока два... Либо сюда армию священников, чтобы утвердить наше духовное превосходство, либо найти повод, чтобы обратиться с Юга обратно на Север.

Или же, всплыла добавочная мыслишка, взглянуть, что там на Западе и Востоке, где тоже наверняка материки или архипелаги громадных островов...

Когда все перестали двигать креслами и расселись, повернувшись ко мне, я оглядел их отечески строго, хотя и непросто так смотреть на тех, кто вдвое старше.

– Все готовы и дальше нести знамя наших идеалов?.. Прекрасно. Ответ вижу в ваших глазах. Мы на Юге и начинаем действовать. С сегодняшнего дня наступает новая эра, что приведет ко всеобщему миру и процветанию...

Все слушали внимательно, только Келляве спросил таким гулким голосом, словно из глубины колодца:

– С кем воюем?..

Альбрехт ответил настолько серьезно, что мало кто уловил иронию:

– Вообще-то можно со всеми. Чего мелочиться?.. Наше Багряное Величество всегда с широкими запросами.

Я отрубил строго:

– Мира можно добиваться не только войной. Хотя, конечно, войной проще и легче. Но это не наш путь, разве ищем легких дорог? По легким пусть другие ходят, нам подавай тернистые... Хотя, конечно, дорогу в соседнюю империю наша армия в моем лице прорубила, прорубила...

Палант даже подпрыгнул в кресле, лицо озарилось счастьем.

– Получилось? Неужели получилось?

Я величественно наклонил голову, стараясь выглядеть солидным и державным.

– А как иначе?.. Теперь между империями Клонзейд и Жемчужная прямая и, как почти уверен, достаточно удобная дорога. Это приведет к счастью и подъему сельского... а также рыбного хозяйства, что дает прирост к экономике любого государства, причастного к рыбе и прочим моллюскам. Сэр Альбрехт, срочно соберите воинский отряд. Необходимо перекрыть проход. Жаль, не подумал сразу.

Альбрехт в задумчивости перекладывал перед собой бумаги, в удивлении поднял голову.

– А вы что, прорубили дорогу в прошлом году?

– Я прорубил окно, – уточнил я, – но чтоб не лезли всякие, нужен глаз да глаз. Теперь там не тропка для опытных контрабандистов-скалолазов, сейчас без труда можно провести маршем армию!.. И подорвать рыночную экономику. А боеспособность местных где-то возле нуля, а то и ниже, несмотря на великолепное вооружение. Зачем только и совершенствуют доспехи и всякое коляще-рубящее высокое искусство?

Робер и Келляве заулыбались понимающе, как же такое не знать, Келляве пробасил солидно:

– Из любви. Они хоть и почти не мужчины, но как не обожать оружие? Даже тем, кто не воюет. Но вы правы, ваше величество, армии нет даже у императора. Про королевства вообще молчу. Зато есть элитная императорская гвардия, да еще городская стража.

– Все должно быть под контролем, – напомнил я. – Особенно важные стратегические дороги. У нас благородная деспотия или разнузданный бардак демократии?.. Сэр Альбрехт, направьте небольшой отряд тяжелых всадников в помощь сэру Норберту. Сэр Норберт, а вы обустройте таможенный пост на постоянной основе. Готовьте обоз для воинского лагеря. Небольшого, где-то в триста копий и полсотни арбалетчиков. А то искатели легкой наживы сразу ринутся.

Альбрехт кивнул, а Келляве сказал довольно:

– Понятно, за короткий путь длинный налог?

– Путь не только короткий, – напомнил я, – но и единственный. Империя должна получать прибыль за созданную ею с таким великим трудом прямую дорогу между братскими народами! Это, можно сказать, не дорога даже, а путь! Светозарный в будущее, а то и в грядущее.

Альбрехт уточнил с непроницаемым лицом:

– Между братскими народами это хорошо, возвышенно и в духе христианской любви к ближнему, но какими именно?.. А то в одной империи Жемчужной восемнадцать королевств, сотни княжеств, герцогств и даже баронств, и все считают себя отдельными народами, а себя лучше соседей, хоть и говорят с ними на одном языке...

– Для Господа все народы, – напомнил я и даже перекрестился, – братья!.. а в чем-то и даже каким-то боком сестры. Он вообще видит один народ, каким был вначале и каким станет...

– В конце?

– Конца не будет, – заверил я. – Мы на бесконечной дороге, ибо мужчина обязан погибать в дороге, а не в постели!

Они выпрямились в креслах, торжественные слова обязывают, глаза заблестели гордостью. Поланд даже завертел головой, стараясь увидеть первым, из какой двери в комнату вкатят бочонок с вином.

Норберт кашлянул и поинтересовался вежливо:

– А с другими империями соединять будете? Империя Скагеррака граничит не только с Жемчужной, но с Астаргельдом, Верхними Лесами и на южных границах с Великой Пешмерией, как и Жемчужная...

Я напомнил строго:

– Нет империи Скагеррака!.. Есть империя Клонзейд. С кем и куда разберемся потом, пока опробуем международные торговые связи на примере Жемчужной. Это наша рабочая модель, ее не жалко, если что пойдет не так, на другой поправим.

– А потом? – уточнил он.

– В планах, – признался я, – такими дорогами соединить все империи. Хотя бы по одной трассе стратегического значения. Для военно-торговых нужд с человеческим лицом. С нашими пропускными пунктами.

Он смолчал, запоминая, зато Палант произнес мечтательным голосом:

– Хорошо бы завалы убрать вообще...

– А вдруг Маркус перегреется? – сказал я. – Нет уж, нет уж, я им рисковать не стану. Да и не все с ним так гладко. Во-первых, долго ли будет подчиняться?.. Что в нем самом происходит?.. А вдруг передумает и все же начнет рушить?.. Потому надо жить так, будто никакого Маркуса нет вовсе.

Сэр Робер заметил холодно:

– Как живут местные?.. А как же вера в Господа?

– При чем здесь вера? – спросил я. – Да и вообще мы отклонились. Насчет дорог тоже не все так просто. Вообще-то нужно сперва запросить императоров, согласны ли они на прокладку трансмагистральных путей в их владения...

Сэр Робер охнул:

– Что?.. Еще и спрашивать? Да они нас в жопу должны за такое целовать!..

Я кивнул, продолжил:

– С другой стороны, права человека выше какого-то сраного суверенитета!.. Мы явились осчастливить народы и это сделаем, хотят они нашего счастья или нет. Так что вперед и с песней! Уцелевшие нас прославят. Туземным императорам просто сообщим о наступлении эры труда и счастья!

Альбрехт спросил с сомнением:

– Труда и... счастья?.. Для народа счастье в безтрудье...

– Трудиться заставим, – отрезал я, – а философы по нашему заданию срочно придумают учение, что счастье именно в труде. Уже есть наработки. Такая философия востребована правящим классом везде, так что все путем. Сложнее будет пережить долгий период всеобщего голода, эпидемий, разгула преступности и всего того, от чего предохраняли Великие Маги и прочие мелкие.

Норберт заметил:

– Раз Великих нет, мелкие пойдут вразнос без их узды. А за каждым из них с Маркусом не погоняешься...

Лица членов Совета помрачнели, Норберт сказал холодно:

– С Великими Магами нам угроза, без них тоже... Даже и не понять, что хуже.

– Без магов народу будет намного хуже, – отрезал я. – Намного!.. Что и хорошо. Даже прекрасно и удивительно. Шок прекрасного и счастливого будущего, так сказать. Откроется бесконечная, хоть и трудная дорога прогресса! Инициативные и отважные будут соревноваться не в придумывании новых нарядов, а начнут бороздить моря, открывать земли, прокладывая новые торговые пути, наращивать богатство и капитал человеческой массы, что приведет к затяжным войнам, эпидемиям, гражданскому разгулу и преступности... ладно, это я залетел в мечтах. Как только переживем этот счастливый период, а дальше пойдет само.

– В гору? – спросил сэр Келляве с сомнением. – Само обычно с горы.

Сэр Робер хлопнул себя по бедру, но там вместо тяжелого меча только картинный кинжал в разукрашенных золотыми накладками ножнах.

– Эх, – сказал он с угрюмостью, – сколько слышу, все еще нужно только пережить, а там само... Ладно, мне больше нравится идти за сверкающей звездой, чем заполучить...

– Боишься разочароваться? – спросил Келляве с иронией.

– Боюсь, – мирно согласился сэр Робер. – Сколько раз уже так... А главное, что потом? Жить-поживать, как старики?.. Или бросить и начинать искать другую, поярче?

Альбрехт слушал, помалкивал, приглядывался ко всем, наконец проговорил осторожно:

– А сколько, по вашим прикидкам, этот нелегкий период продлится, ваше величество?

– Не знаю, – ответил я честно, – но без него никак. Люди должны быть предоставлены сами себе. Тогда только зашевелятся. Часть населения обленилась настолько, что почти забыла, как самостоятельно добывать себе хлеб...

– Вымрет?

– И хрен с ними, – сказал я жестко. – Гири на ногах нужно сбрасывать. Да, всех жалко, но, как политики, мы должны обеспечить движение вперед всей человеческой массе, именуемой обществом. Только жестокая конкуренция выведет на вершину!..

Сэр Рокгаллер заерзал в кресле, спросил с опаской:

– Вершину чего?

– А хрен его знает, – ответил я честно. – Там увидим. Но лучше карабкаться, срывая ногти, на стены вражеской крепости, чем гнить в своем болоте!.. А когда поднимем победное знамя на, оттуда увидим, что захватили и какой великий подвиг совершили!

Глава 9

Граф Мальгерт, что за все время не произнес ни слова и даже не шевелился, кашлянул со всей деликатностью, но достаточно громко и в короткое мгновение тишины сказал почти-тельным тоном:

– Ваше величество, может быть, вернемся к нынешней ситуации? Магов уничтожите, по всему континенту начнется великий голод...

Я поморщился.

– Да, начнется. Хоть и не великий. Некому будет отгонять тучи саранчи и даже птиц от полей. Колодцы тоже придется самим копать, а воду носить ведрами. А кто будет лениться, издохнет! Туда ему и дорога. Выживать должны работающие. Людству предстоят такие испытания, что Господь сотрет его к такой матери, если не докажем силу, выносливость и готовность к любым вызовам!

Он поклонился и умолк, остальные тоже молчат, смотрят в ожидании.

Альбрехт сказал с сочувствием:

– Не переживайте так, сэр Ричард. Прямо с лица спали! У нас на Севере пашут, сеют и собирают хлеб без всяких магов. Научатся и здесь. Конечно, слез будет море, но ничего, привыкнут в поте лица добывать хлеб свой насущный, как и велел Господь.

– А кто не привыкнет, – сказал сэр Келляве жестко, – пчелы с трутнями как обходятся?..

Альбрехт похлопал ладонью по столешнице, прерывая разговоры, впери́л взгляд в меня.

– Ваше величество, – проговорил он отдельно, – вы уничтожили башни, источник мощи Великих Магов, но остались карликовые, коих тьмы и тьмы! У них нет мощи Великих, зато море злости и нежелания сдаваться на вашу милость. Да и Великие рано или поздно выйдут из подземелий, а какая-то сила в них сохранилась.

– Справимся, – ответил я, но ощутил, что в голосе нет уверенности. – Хотя вы правы, Маркус не поможет, за каждым с ним не побегаешь. Даже не знаю как, но в таких случаях перекладываю на ваши плечи, сэр Альбрехт! Иначе что я за император? Я ставлю цели, а как добаться – ломать головы вам.

Он покачал головой.

– Думаете, я найду способ? Низшие маги, оставшись без Высших, уже приходят в себя. Теперь они единственные на поле! У многих, пока Великие еще в пещерах, начинают появляться нехорошие мысли...

– А это откуда?

– Сэр Норберт установил контакт с местными службами, – пояснил он. – Точнее, просто подмял. Теперь работают на него. А те издавна следят за разговорами.

Я покосился на Норберта, он с самым невозмутимым видом чуть-чуть наклонил голову. Я подумал, сказал без особой уверенности:

– Никто из младших магов не наберет достаточной мощи в обозримое время. Не из чего... как мне чудится. Хотя кто знает... Залежи камней, что впитывают магию, где-то еще есть.

– Не наберут, – согласился Альбрехт, – но эта мелочь делает то, от чего в своей гордыне отказались Великие Маги.

Я насторожился.

– Что?

– Начиная объединяться, – пояснил он. – Нет, это слишком громко, но уже нащупывают возможности. Вроде бы пошли разговоры о создании гильдий, обществ, орденов или как еще назовут здесь на Юге...

– Следите, – прервал я. – Вы знаете нашу доктрину. Магам пока что разрешено чуть-чуть помогать сельскому хозяйству, но и оттуда будем вытеснять по мере роста сознательности населения.

– Население будет сопротивляться, – напомнил он.

– Еще бы! Но повысим престижность тех, кто работает охотно и обогащается. Какие-нибудь льготы...

– Право брать по две жены, – предложил Палант с живостью. – А еще ходить к жене соседа! У которого показатели ниже.

Я вздохнул.

– Вы правы, дорогой сэр Палант. Это сразу бы решило проблему приобщения к передовым формам труда. Но церковь будет против, она же рано или поздно придет на эти земли!..

– А как временную меру? – спросил он, очень ободренный, что я не цыкнул, а даже назвал дорогим сэром. – Когда у нас из-за черной чумы вымерли почти все мужчины, папа римский разрешил особым декретом брать жен, кто сколько сможет!

– Как временную, – ответил я, – да, но потом попробуй отмени!.. Все мужчины будут драться не на жизнь а на смерть. Право ходить к жене соседа... это же предел мечтаний простого честного труженика!

Граф Мальгерд за время присутствия на Совете чуточку освоился, осмотрелся. Все ведут себя свободно, я все еще не столько император, как полевой вождь, снова откашлялся и сказал почтительно:

– Но, ваше величество, если маги начнут объединяться, то это хорошо и плохо. Плохо, что усилятся, а хорошо, что проще будет вылавливать... Но лучше бы не пропустить момент.

Я подумал, впери́л в него острый взгляд.

– Спасибо, граф, этим придется заниматься тоже. Пожалуй, нужно собрать их и поговорить. С теми, кого удастся собрать, остальным расскажут коллеги... Эй, кто там ближе к двери? Пригласите нашего алхимика, он дожидается в коридоре.

Палант вскочил, он хоть и не ближе всех, зато моложе, подбежал к двери и, распахнув, крикнул:

– Кто тут... Ах да, это ж ты тот, кто придумал, как ослепить филигонов?... Чего ты в коридоре?

Он пропустил чародея впереди себя в зал, захлопнул дверь и посмотрел на меня с укором.

– Карл-Антон, – пояснил я, – остался там по его просьбе. Не считает достойным находиться в одном собрании с достойнейшими рыцарями высших титулов.

Альбрехт взглянул на меня остро, что-то просек и сказал громко:

– Алхимик не только внес вклад в победу, но и держится с достоинством, не рвется в наш круг. Ваше величество, я полагаю...

Я демонстративно вздохнул, обвел взглядом зал.

– Вижу, вы не один так полагаете. Карл-Антон, ваше место в Тайном Совете!.. И, как члену этого совета, вам поручаю важнейшую и труднейшую работу. Здесь ее делать некому, а вы будете курировать взаимоотношения с местными магами.

Он поклонился с тем достоинством, что считается врожденным качеством людей благородного сословия, прошел к столу и сел под взглядами рыцарей, строгих, но все же, как ни странно, доброжелательных, помнят о его вкладе в победу над страшнейшим врагом.

Альбрехт обратился к нему с дружелюбием вельможи:

– Карл-Антон, этим придется заняться только вам!.. Никто из нас не отличит мага от простого человека.

Карл-Антон со всей скромностью поклонился.

– Сделаю, ваша светлость.

Я обратил взор на Альбрехта.

– Герцог, соблаговолите составить мое высочайшее повеление... Не забудьте оформить в виде имперского указа высшей приоритетности.

– Слушаю, ваше величество.

– Все младшие маги, – сказал я, – а их тут как тараканов, освобождаются от мелочной опеки над простым человеком. Освобождаются и переводятся в разряд старших... нет, пока полустарших магов. Все должны и обязаны учиться и совершенствоваться в своем ремесле магии с переходом в алхимию, а не гонять воробьев и саранчу с огородов и прочих полей!

Он сказал без улыбки:

– Так и запишем. Очень серьезный указ, ваше величество. Очень!

– И распорядитесь созвать магов, – велел я, – буду держать перед ними речь.

Он поморщился.

– Снова?

– А что, – спросил я с беспокойством, – я с ними уже общался?

– Нет, но уже собирались.

– У меня программная речь, – сказал я с обидой. – Задающая вектор! Но указ насчет перераспределения полномочий составьте и раздайте глашатаям раньше. Так скорее сбегутся послушать, чем это им грозит. Остальным членам Совета, кто не слишком уж упакивается на строительстве светлого общества будущего, надлежит всемерно помогать герцогу Гуммельсбергу и алхимику Карлу-Антону. На этом все, теперь за работу, за работу!

Когда все покидали кабинет, я сказал негромко:

– А вас, сэр Палант, прошу остаться.

Палант побледнел, остановился, а когда за последним захлопнулась дверь, спросил трепещущим голосом:

– Ваше величество?

– Палант, – сказал я шепотом, – вообще-то Карл-Антон из старинного рыцарского рода. Но в молодости убил на дуэли сына герцога. Пишлось бежать, скрываться в других королевствах, а в скитаниях настолько увлекся магией, что решил только ею и заниматься... Сам понимаешь, какую захотел, ту и зачаровал, сама платье поднимет выше головы.

Он охнул, глаза округлились.

– То-то я в нем сразу почувствовал человека благородного!

– Но это секрет, – сказал я тихо. – Карл-Антон не желает, чтобы даже упоминали о его знатном происхождении. Знатность привязывает к воинскому ремеслу, а он в бродяжничестве поднаторел в магии. Только об этом молчок, никому-никому!.. Я целиком полагаюсь на вашу неспособность хранить тайны, потому и доверяю вам. А теперь идите и молчите!

Он поклонился и не ушел, а чуть ли не стрелой вылетел в коридор. Через час зашел с бумагами и сводками Альбрехт, все так же бодр и весел, как и обязан, но я уловил испытующий взгляд.

– Что-то случилось? – поинтересовался я. – Вы как будто от меня что-то ждете, а я человек простодушный, намеки не понимаю.

Он кивнул, поинтересовался ровным голосом:

– Да все не решаюсь спросить, вы же поэт, натура чувствительная... как там насчет отца Дитриха?

Я поморщился.

– Не топчитесь по моим мозолям. Сколько лет прошло, как мы здесь?.. Ага, всего несколько дней!.. Придет время и отца Дитриха. Перевезу вместе с армией миссионеров. Но попозже, сперва разгребем малость.

Он кивнул.

– Ну да, а то у инквизиторов сразу жечь или топить.

– Вот-вот. Конечно, приятно наблюдать за их веселой работой, но сейчас забот выше головы, а радости на потом, потом...

Он коротко усмехнулся.

– Я рад, что вы все тот же Защитник Веры.

– Я могу менять тактику, – пояснил я, – но в стратегии дуб дубом, никаких прыжков в стороны! Хотя церковь не совсем то, что вера, но я и церковь защищаю по широте души своей.

– Ну да, – согласился он, – церковь тоже вроде бы имеет к вере какое-то отношение.

В голосе прозвучала ирония, вера и церковь для него одно и то же. Это у меня какое-то странное раздвоение, но он не обращает внимания на такие амбивалентности, пока мне хоть и со скрипом, но удастся идти от трудной победы к другой, пусть и трудной, но победе.

Магов удалось собрать через два дня, хотя, конечно, не по всей империи, а по Волсинг-бору и по багерным маршрутам, откуда добраться легче всего. Малым магам недоступна роскошь быстрого перемещения в пространстве, тоже багерами да верхом на конях, потому я не стал ждать, когда соберутся все-все, остальным расскажут.

Перед выходом посмотрелся в зеркало, одет подчеркнуто просто, для императора важнее удобства, пыль кому-то в глаза пускать смешно, и так император да еще в ореоле зловещей славы властелина Багровой Звезды, гораздо важнее значительность облика, величавость жестов, а с этим у меня до сих слабовато.

Альбрехт предложил поговорить с магами в главном зале. Не из-за их весомости, объяснил торопливо, а кто знает, сколько еще прибудет, а главный зал на то и главный, что в нем можно проводить конные турниры, а еще останутся места для публики.

Я кивнул, главный так главный, для меня все глуповато-помпезные, пышные и чересчур разукрашенные, словно архитекторы и декораторы еще не вышли из детского возраста, когда стараются все сделать поярче и позамысловатее.

Трон расположен, как водится, на помосте, к которому ведут две ступеньки, а за тронном узкая дверь, куда можно сразу шмыгнуть в случае опасности.

Периальд, Хрурт и Ульман уже проверили пути отхода в случае чего, а как личные телохранители вправе указывать дворцовой страже, где стоять и за какими проходами следить особенно, Периальд подал мне знак, что все под контролем, а магов при входе в зал проверяют на предмет оружия как обычного, так и магического, насчет последнего бдительно следили Зейс и двое молодых, но цепких помощников Карла-Антон.

Глава 10

Когда зал заполнился, я вышел к переднему ряду и сказал звучно:

– Сидите, сидите!.. Оставим это дикарское почитание власти, вы же люди умные... И, как я уверен, мои коллеги. В самом деле коллеги. Если присмотритесь, увидите, мы чем-то похожи... Во всяком случае, я меньше смахиваю на вельмож этого или другого дворца, или на завоевателя с окровавленным мечом в руке...

Все смотрят внимательно и с настороженностью умных людей, которые вынуждены иметь дело именно со здоровенным воином с окровавленным мечом в руке, и хотя сейчас в руке меча нет, но все равно есть, а у них только мозги и знания, что против меча не очень-то.

– Я хочу достучаться до вас, – заявил я. – Людей умных уважаю больше, чем просто отважных. И потому хочу с вами сотрудничать.

В переднем ряду поднялся крупный мужчина в темном камзоле, поверх которого наброшен легкий плащ, расстегнутый на груди, нечто среднее между одеждой мага и продвинутого ремесленника.

Он поклонился почтительно, но без пританцовывания, проговорил осторожно:

– Ваше Звездное Величество, простите, не знаю ваш полный титул, мы счастливы услышать такое... непривычное. Но значит ли это, что мы можем продолжать... как и работали? А то слухи пошли разные...

Он умолк, я ответил как можно благожелательнее:

– Что значит, как раньше?.. Все гораздо лучше, чем было. Для вас теперь все пути открыты!.. Великие Маги в глубоких подземельях и пробудут там долго. Вы можете воспользоваться возможностями несколько освободиться от их гнетущего влияния... Скажем, заняться больше исследованиями, а не выполнять всю грязную работу за крестьян. Скажу больше, для меня, как и для вас, высокомерные вельможи те же невежественные крестьяне. Не только не видят дальше своего носа, но и не хотят видеть. Не так ли?

Судя по их лицам, согласны, но в глазах прибавилось настороженности и недоверия. Что-то слишком хорошо говорю, неспроста. Такие речи заводят, когда намереваются надуть по-крупному. Что вообще-то от истины не только близко, но почти полное попадание в яблочко. Только еще не подозревают, в чем именно.

После паузы медленно заговорил тот же мужчина в темном камзоле:

– Вы хотите, чтобы мы оставили заботу о людях?

– Они взрослые, – возразил я. – А такая забота унижает!.. Да, народ не против, еще как не против, но это стыд и позор. Мы же с вами знаем, что так жить стыдно? На подачки?..

На их лицах не увидел осуждения, напротив, смотрят с непониманием. Как это стыдно жить на халяву?.. Стыд не дым, глаза не выест, зато как хорошо и уютно жить на готовом.

– Ладно, – сказал я с досадой, – все утопчется, а пока сообщаю свою монаршую волю. Вы отныне занимаетесь чистой наукой или чистым искусством, как у нас там это ваше называется, а народ сам по себе. В смысле, я наблюдаю за ним и за вами!.. Да-да, и за вами. Если стряется что-то особое, ураган небывалой силы или саранча налетит просто необыкновенная, разрешу помочь, но в остальном должны сами, все сами!

Мужчина в темном костюме сел было, но поднялся снова, спросил почтительно, однако в мягком голосе крылось нечто угрожающее:

– Ваша Звездность, вы уверены, что Великие Маги одобряют ваши нововведения?

В зале наступила мертвая тишина, все застыли, глядя на меня неотрывно. Я ощутил холодок опасности, но заставил себя отвечать в том же благожелательном тоне:

– Я не сумасшедший, как вам кажется, а практичный и расчетливый политик. Возможно, кто-то из вас не заметил, что Башня Четырех Великих Магов, называемая также Конклавом, исчезла?.. Заметили?..

Мужчина в темном наклонил голову, не сводя с меня взгляда.

– И даже слышали, что это совершили вы, ваше величество.

– Прекрасно, – сказал я. – Наверное, вам будет интересно узнать, что и все остальные Башни Великих сметены с лица земли?.. Только потому, что я их не одобрил. Прodelано все гуманно, когда там никого не было. Я ж миротворец, все Великие Маги в безопасности.

– Но когда выйдут, – сказал он, – тогда...

– Когда выйдут, – отрезал я жестко, – им придется принять новые правила. Я был гораздо слабее, когда мне наступил на ногу некий Гатонес, но я снес с лица земли его Башню, и даже холм, на котором она стояла!.. Вместе с самим Гатонесом. Думаю, Великие Маги сочтут правильным разговаривать со мной вежливо.

Он поклонился, сел и приготовился слушать, это написано на его лице, но чувствую по тому, как сидит и в какой позе застыл, полное неприятие моего диктата.

Я перевел дыхание, эту стену вряд ли пробью вот так с ходу, эти умные люди тоже лучше всего понимают силу, такая у нас натура, сказал уже чуть жестче, но и напористее:

– Возможно, не все знают, что Башни Великих Магов сметены не только в этом королевстве, но и по всей великой, что оказалась не такой уж великой, империи.

В зале я видел одну моментально застывшую массу с сотнями пар вытаращенных глаз. Их мир рухнул не с появлением в небе Багровой Звезды, а именно в эту минуту. Башни Магов казались самым незыблемым, в разрушенном после Маркуса мире маги выходили из укрытий и первым делом возводили Башни снова. Башни вечные, исчезающие по воле Вселенского Зла на краткие промежутки времени, но теперь их впервые уничтожил человек.

– Но вы живы, – продолжил я, – знания у вас остались, а сейчас впервые получили неслыханное преимущество! Вы были оставлены на гибель, но уцелели, теперь можете ухватить все то, чем владели Великие Маги!

Человек в темном камзоле поднялся, снова вежливо поклонился.

– С разрешения присутствующих здесь, Ваша Звездность, я осмелюсь напомнить, что Великие Маги и без башен несравнимы в своей мощи.

– Как хотите, – ответил я с подчеркнутым равнодушием. – Они еще долго просидят в пещерах, а вы могли бы воспользоваться... Однако помните, отныне император здесь я, а у меня характер северный, как и скверные привычки самодура и деспота. В смысле, все теперь только с моего разрешения, понятно?.. Кстати, вы самый инициативный, я вижу, это вас избрали старшим, или так получилось?

В зале тишина стала еще монолитнее, а человек в темном пробормотал:

– Ваша Небесность, наверное, я самый безрассудный, так как осмеливаюсь с самими вообще разговаривать, да еще задавать вопросы. Я просто рядовой маг, Грабиус Хайнер. Все молчат, но всем им интересно и тревожно, зачем вы это сделали? Мы ведь все на благо народа...

– Откровенно? – спросил я. – На Севере, как вы наверняка знаете, маги служат королям. Я северный король. Маги или будут служить мне, или... или магов не будет.

Он рассматривал меня исподлобья, я буквально видел, как в нем поднимается злоба к самодуру и деспоту.

– Но все-таки, – произнес он с оскорбительной вежливостью, словно разговаривает с опасным сумасшедшим, – с молчаливого разрешения присутствующих я могу поинтересоваться, зачем?..

– Можете, – разрешил я, – и даже, сберегая время, отвечу сразу. А вот предпочитаю держать всю власть в своих загребуших!

Он покачал головой.

– Ваша Звездная мощь, не только мне здесь кажется, вы не тот дикий и невежественный вождь варваров, каким стараетесь казаться. Речь у вас грамотная, слова строите правильно... У вас должна быть цель более...

– Более, – спросил я с интересом, – чем что?

– Более, – ответил он, – чем завоевание для завоевания. Или чем захват новых земель для грабежа. Посмотрите в зал, там со мной согласны.

– Спасибо, – сказал я. – Спасибо за лестную оценку. Но я, как видите, вождь огромной армии. Я должен руководствоваться ее интересами и пожеланиями. Даже требованиями.

Он кивнул.

– Да, это естественно. Но почему-то не совсем верится, что вы так уж идете на поводу у армии. Конечно, считаетесь, подыгрываете, даете богатую добычу, но наверняка и своя цель...

Похоже, он все-таки ощутил, что я стараюсь выглядеть не императором, а как бы старшим товарищем из почти их круга, который желает разговаривать почти на равных, и сделал вид, что поверил и отвечает мне на той же ноте, но я видел по его лицу, что интеллигенция власти не доверяет и здесь.

Мне показалось, что в глубине его взгляда кроется не злость, а больше отвращение, я даже на какой-то миг ощутил себя как в дерьме, изображая тупого жоака солдат, который сам в белом, но вынужден учитывать пожелания армии, а у нее, понятно, какие пожелания.

– Грабиус Хайнер, – повторил я, – у вас звучное имя. Вы в самом деле маг? Или человек умный и грамотный?

Он запнулся с ответом, глаза обшаривали взглядом мое непроницаемое лицо, я уже напомнил себе о необходимости держать маску, наконец он произнес мрачно:

– Разве одно другому мешает?

– Обычно да, – сообщил я. – И даже не дает дорогу. Вы в курсе насчет университета, что основал Герман Второй?

В его лице что-то дрогнуло, а в глазах зажглись искорки.

– А-а-а, вот вы о чем...

– Догадливость, – сказал я, – хорошая черта для исследователя.

Он покачал головой.

– Их путь очень-очень долг. И труден. И много опасностей. И вообще... можно ли простым людям доверять все возрастающую мощь... Великие Войны Магов уже доказали пагубность такого пути.

– Так то магов!

Он покачал головой.

– Есть мнения, которые трудно игнорировать, что воевали вовсе не маги, а простые люди, овладевшие огромной мощью.

– Гм, – сказал я небрежно, – интересная гипотеза...

Он пристально наблюдал за моим лицом.

– Да? А вот вы совсем не удивились, словно знали или думали об этом раньше. И для вас это не гипотеза.

– Грабиус, – сказал я, – вы точно станете главой гильдии магов. Вы хотя и очень осторожно и вежливо, но все же спорите с императором, на что не решаются ваши коллеги. Думаю, окажу всем добрую услугу, если предложу вас в руководители вашего объединения, как бы вы его ни назвали.

Он с чувством поклонился, развел руками.

– Простите, ваша Мощь, но у нас не бывает объединений. Маги – люди свободные.

– Потому наука в конце концов победит, – заметил я. – Там обычно работают научные коллективы... Но мы отвлеклись. Простое существование человечества просто бессмысленно! Люди были сотворены с какой-то целью!.. Они что-то обязаны совершить в будущем!.. Но если

держат вот так на уровне сытого и довольного скота, чего от них ждать? Такие с места не сдвинутся!.. И Господь в конце концов сотрет их с лица земли.

Он всмотрелся в меня, кивнул с некоторым удовлетворением на лице.

– Господь... Понятно, вы из тех, кто верит в Высшее Существо. У нас только возникали эти секты, но как-то быстро гасли.

– Или их гасили, – согласился я. – Другое вероятнее, не так ли?.. Умные язычники могут вовремя увидеть опасность для их безмятежного существования.

В зале задвигались, но утихли, когда их несомненный лидер, Грабиус Хайнер, осторожно поинтересовался:

– Простите, Ваша Звездная Мощь, за несколько опасный вопрос, но мы тоже не знаем пределы, за которые нельзя переходить в разговорах с северянами... вы сами в него верите?

– Вообще-то нет, – сообщил я. – Если честно и если это между нами. Как между членами одного цеха. Но верить в Него лучше, на веру можно наслоить множество моральных требований к человеку. Как запретов, так и понуждений становиться лучше, чище и умнее. Вера в Него требует постоянно совершенствоваться. Чего никогда не требовало язычество.

В зале прошло шевеление, многие толкают друг друга и перешептываются, в лицах живейший интерес стал еще ярче, и, главное, я ощутил, как начинает меняться ко мне отношение.

Еще не то увидите, подумал я злорадно. Ишь, приготовились смотреть на держиморду с мечом в руке, и какие бы я ни подавал сигналы, упорно держались за лъстящую их самолюбию картинку. Еще не тем огорошу, у меня много сюрпризов для вас, самодовольные бараны от магии.

Хайнер тяжело вздохнул, но тоже смотрел на меня с растущим уважением.

– Эти постоянные совершенствования, – сказал он кисло, – и приводили в конце концов к великим войнам. Они вошли в летописи как Войны Магов, хотя на самом деле...

Я кивнул.

– Да-да, маги к тем войнам никаким боком, но народу так понятнее.

Он взглянул уже как-то встревоженно.

– Ваше величество, вы в самом деле вождь варваров?

– Варварее не бывает, – заверил я. – В определенном смысле. Варвары – это свежий взгляд на мир. Старые цивилизации смотрят в одну сторону, а варвары пока что поглядывают и по сторонам. Как вы уже поняли, я намерен поддерживать развитие знаний. С нуля, если хотите.

– А магия? – спросил он. – Маги не с нуля начинают?

– Если бы, – отрезал я. – В обломках древнего мира можно найти что-то ценное! Хоть и непонятно, как работает, но какая мощь!.. Просто магия... Но я нацелен узнать, что же Господь хочет от человека.

Он криво усмехнулся.

– Хотя в него и не верите?

– Это неважно, – ответил я. – Вера в Господа важнее Его существования. Стараясь понять Его замыслы, мы раскроем все тайны вселенной!.. Потому я за веру в Творца, за религию даже... только к церквям отношусь с неодобрением, но, возможно, простому народу нужны символы попроще, чем просто вера в Творца. Церковь – это для простого народа, очень даже простого. Умным достаточно абстрактной веры.

Он вздохнул так тяжело, словно целый день тащит тяжело нагруженную тележку в гору.

– Значит, у нас выбора нет?

– Почему, – ответил я, – есть. Либо начинаете сотрудничать с новой властью... гм... и новой идеологией, либо занимаете враждебную позицию...

– И тогда вы и нас сотрете в порошок?

Я посмотрел ему прямо в глаза.

– Мир жесток.

– А вы?

– Я живу в этом мире, – напомнил я.

– Но вы же хотите изменить мир, это заметно!

– А разве не видно, что сперва расчищу строительную площадку?.. Будете со мной в рядах строителей или станете завалами на дороге, которые нужно сбросить в канавы на обочине.

Он покачал головой.

– И что мы, по-вашему, должны делать?..

– Перестать быть слугами общества, – сказал я. – Это недостойно ученых... и даже магов. Вы должны стремиться к знаниям! Приумножать их, открывать тайны природы... А народ должен без вашей помощи пахать, сеять, собирать урожай и отгонять воробьев. На севере как-то обходятся без магов?

– Вообще? – спросил он и указал взглядом на Карла-Антоня.

– Я не сказал, что магов нет, – повторил я громче, – но наши заняты магией, а не обслуживают простолюдинов! Как у вас были заняты Великие Маги. Теперь в таком привилегированном положении будете вы... но только с моего ведома и под моим контролем. Вернее, под контролем власти, я лично везде не поспею.

Глава 11

Некоторые начали переглядываться, толкать друг друга. Похоже, возможность стать на места Высших Магов показалась очень уж соблазнительной, несмотря на мои ограничения... которые, конечно же, Высшие Маги со временем по мере усиления обойдут или просто проигнорируют.

В далекую отсюда дверь заглянули двое из разведчиков Норберта, один помахал руками, подавая условные знаки. Я понял, что прибыли еще, спрашивают, впустить или гнать в шею.

Я кивнул, в зал торопливо вошли еще с десятков человек, все в строгой темной одежде, в плащах и в широкополых шляпах, которые тут же сорвали с голов и держали в руках.

Старший прошел вперед и, низко поклонившись, сказал громко:

– Стондер Строндиш, маг второго класса. Задержался, чтобы не покидать своих учеников. Просим прощения за опоздание, но мы мчались издалека, стремясь не пропустить ни слова из уст величайшего завоевателя всех времен...

Я жестом остановил его речь, что грозит стать все хвalebнее и витиеватее.

– Добро пожаловать. Мы уже заканчиваем, но все, что пропустили, вам перескажут коллеги, присутствующие здесь с самого начала. Занимайте свободные места, слушайте внимательно.

Пока они торопливо устраивались, я мысленно оглядел себя, достаточно ли выгляжу внушительно, с панибратством перебарщивать не стоит, маги тоже народ, а народ перестает уважать тех, кто с высот опускается до их уровня.

– Для прибывших напомним, – сказал я, – что еще в первый свой визит на ваш южный континент я без всякой Багровой Звезды уничтожил Великого Мага Гатониса и полностью стер с лица земли его несокрушимую крепость, а он строил и укреплял ее, даже не знаю, сколько веков... Заодно убрал даже величественный холм, с которого взирала эта фортификация.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.